

Илья Рейдерман
Из ГЛУБИНЫ
De profundis

Избранные стихотворения

De profundis

Илья Исаакович Рейдерман

Из глубины. Избранные стихотворения

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24630856

Из глубины. Избранные стихотворения / И. И. Рейдерман.: Алтейя;

Санкт-Петербург; 2017

ISBN 978-5-906910-64-6

Аннотация

Илья Рейдерман – один из последних с корабля великой русской поэзии, дливших традиции золотого и серебряного века. Себя он называет поэтом-нелауреатом: несуетную жизнь в «провинции у моря» и сосредоточенную работу мысли и души он предпочёл мельканию в литературных кругах столицы. И полагает, что иначе он не смог бы написать многих своих стихотворений. В возможном выигрыше – будущий читатель, но сам «окунувшийся в неизвестность» автор – в некотором проигрыше. Его ранним произведениям сочувственно внимали Павел Антокольский, Анна Ахматова, Анастасия Цветаева, Андрей Сергеев, теперь же издатели в поисках автора предисловия к книге избранного, подготовленной к 80-летию поэта, решили дать целых три небольших отзыва – Писателя, Литературоведа, Философа. Завершает книгу большое «интервью

с самим собой», в котором интересующиеся найдут сведения о творческой позиции и пути поэта. Прежде с терпящего крушение корабля бросали в море бутылку. Теперь в этой роли выступает Книга. Автор этой книги, филолог и журналист, философ и музыкальный критик, ещё в юности вместо того, чтобы увлечься чем-то авангардным, понял, что его дело – длить традицию. В его книге – множество стихотворений под эпитафиями, особенно из любимого им Мандельштама. Эпитафия – тема, а стихотворение – вариация.

Содержание

Иное имя. О стихах Ильи Рейдермана	12
«Лучшая из эстафет...»	15
Философ и поэт	19
И судьба получает объём	22
Комната	22
«Поднимается небо всё выше...»	23
«Он был не человек – бродячий цирк...»	24
Зеркало	25
Мост	28
Бедный Йорик	29
Монолог поэта	30
Нисходящая мелодия	31
Из книги «Миг», «Картя молдовняскэ»	33
Кишинёв, 1975	
«Кто-то скачет на коне...»	33
Сон	34
«Открыть себя – как в мир открыть окно...»	35
Эхо света	36
«Мне этот город преподал урок...»	37
«Весна еще гадает – снег ли, дождик...»	38
«И, наконец, увидеть этот сад...»	39
«Спокойно как!.. Ни дел, ни мыслей нет...»	40
«Дождь кончился, но не ушел еще...»	41

«Мне больно видеть это южный снег...»	42
Немота	43
«И опять облетает листва...»	45
Уроки геометрии	46
«О чем шумишь, не опасаясь лжи...»	49
«Ах время, мы и впрямь, как дети...»	50
«Сны беззаконны. Будто бы в окно...»	51
Девочка с яблоком	53
Городское дерево	54
Песенка о страхе	55
«В июле – три совсем осенних дня...»	57
«Гудят лишь телеграфные столбы...»	58
Тирасполь. Листопад	59
«В этом моцартовском кларнете...»	61
Памяти Анны Ахматовой	62
Из книги «Пространство», издательство «Негоциант», Одесса, 1997 г	64
«Ах, бабочка, – куда тебя несёт!...»	64
«А жизни тоненькая нить...»	66
«Воспоминания – не дом, а дым...»	67
«Мой Бог, как просто всё на этом свете...»	68
«Я помню, что улыбка, будто птица...»	69
«Две рифмы жалкие в горсти...»	70
«Когда в своей постели, сном объаты...»	71
«За каждой мыслью – голоса других...»	72
Борису Пастернаку	73

«Прольются дни, как грозовые тучи...»	74
«Жизнь моя, постой же! Рвётся в небо...»	75
«Железную лестницу чистил от льда...»	76
«На негативе тьма – как будто свет...»	77
«Выстреленный ввысь комочек плоти...»	78
«И знать не знаю, отчего спешу...»	79
Тихие вещи	80
Е. Шелестовой	81
«Идёт без отклонений, по прямой...»	83
«Держится за воздух птица...»	84
В ожидании дождя	86
«Эта весна – мимо меня...»	88
Три стихотворения	89
Ироническое	91
Экологическое	94
Из поэмы «Голоса»	96
Монолог о мертвых среди живых	96
Монолог о силе инерции	97
«...Это пир мертвецов, притворяющихся живыми...»	98
Бег трусцой	99
Воспоминание о великом оледенении	101
Время	102
«Ехать спокойно...»	104
Неописуемые дни (Цикл стихотворений)	105
«Пришли неописуемые дни...»	105

«Надоели, как пища без соли...»	106
«Несправедлива судьбы кривизна...»	107
Все стихи Мандельштама – написаны мной	108
«В зеркале видишь нечто вроде доноса...»	110
«В этой пресной воде повседневных забот...»	111
«И чай наливающий в чашку...»	112
«Я – дерево в полдень. О чём я шепчу...»	113
«Эта роза засохла, но не увяла...»	115
«Я зиму одолел, переборол...»	116
«Вот и уходит год...»	117
«Вот и выходит жизнь из повиновенья...»	118
Памяти Иосифа Бродского	119
Из книги «Бытие» – Одесса, «Инга», 2002 г	121
«Жизнь ушла, и всё же возвратилась...»	121
Бессонница	123
«Выключи свет на кухне...»	124
Снегопад	126
«Когда покроет всё вокруг, что голо...»	128
«Душа, порой ночной пора признаться...»	129
«Книгу читаешь ли, другу внимаешь...»	130
«Я пишу стихи на воде...»	131
Стихи дождя	132
«Книгу жизни бесцельно листая...»	133
«Затем и ищем слово, чтоб сейчас...»	134
«Беда, что новый день – не нов...»	135
«И на затоптанный пол...»	136

Памяти Андрея Сергеева	137
«Рифмуется осень со мной, наконец...»	139
«Зыбь ты великая, зыбь ты морская...»	140
Из книги «Земная тяжесть», Одесса, студия «Негоциант», 2007	142
1. Ещё шажок, что приближает к краю...	142
«Ещё шажок, что приближает к краю...»	142
«Как страшно, Господи, как трудно!..»	142
«Какой великой нежностью полна...»	143
«Ах, да, сегодня понедельник...»	144
«Весёлое выдалось лето!..»	144
«Когда и жизнь – сойдёт с ума...»	145
«Лежу я на земле, почти убит, без сил...»	146
«Не говорю из суеверья...»	146
«Почувствовал ли я землетрясение...»	147
«Вот я и дожил до этих годин...»	148
«Нет, Господи – живу не так уж плохо...»	148
«Я шёл по кладбищу, и всё мне было мило...»	149
«Вновь расплавленной пахнет смолою...»	150
Памяти сына	151
«Играет Бог на дудочке...»	154
«Кем ты станешь – горсткой праха...»	154
«Тоска, как червь, сосущий в ране...»	155
Три стихотворения	156
«Жизнь идёт, бежит, летит... О смерти...»	159

«И молча ты кричишь, кричишь ты молча...»	159
«Тяготит меня ласковый свет...»	160
«Осень настала. Жаль мёртвой пчелы...»	161
«Первое слово «да», а последнее – «нет»...»	162
«Вот на кладбище – два старика...»	163
Памяти жены	164
«Как, старость, ты приходишь грозно!..»	165
2. Бабочка	167
«О, бабочка ночная, ты ослепла...»	167
«Что же делать – мутнеет хрусталик...»	168
«Прекрасен день. А ты – хорош?..»	169
«Немного нужно для...»	170
Римме	171
«Жизнь – это время, которого нет...»	172
Бабочка	173
«Несколько пчёл на термометре жмутся друг к другу...»	176
«Складываясь, как перочинный нож...»	177
«Взбираюсь на сотысячный этаж...»	178
«Как трудно, Господи, как трудно...»	179
«Очень рано. Вставать ещё жалко...»	180
«Я сплю на дырявом диване...»	181
«Проходит день, проходит жизнь...»	182
«Жизнь, покидая тела оболочку...»	183

«Бытия заповедного край...»	184
«Поёт невидимая птица...»	185
Входной билет	187
Конец ознакомительного фрагмента.	188

Илья Рейдерман

Из глубины. Избранные стихотворения

В оформлении обложки использована картина «Из глубины», художник Виктория Билоган (Австралия)

Иное имя. О стихах Ильи Рейдермана Ю.А. Кувалдин

Чтобы остаться, нужно писать. Тело бrenно, Слово вечно. Чтобы встать на полку вечности рядом с Данте и Мандельштамом, нужно писать на таком же высочайшем уровне, не заботясь о признании современников. Доводить себя до постижения непостижимых сутей. Так работает Илья Рейдерман – светоч высочайшей поэзии, хотя не пренебрегает «низкой» лексикой, сталкивая её с высокой, высекая искры новых невероятных смыслов, когда душа читателя зажигается. К чему дышать, когда рядом клубятся удавы стихослагателей?

Забыв о сущности вещей, внедрять себя в горнило духа. Вот назначение поэта. Рейдерман создал свою вселенную разъятия понятий текущих правил. О, сила слова:

Изменяются даты, ну а времена
лишь прикидываются иными.
Но беспамятства чашу – выпей до дна,
заодно – позабуди своё имя.

Он долго шёл к таким стихам. Но возраста нет у поэта. Он

сам себе время, эпоха и храм. Великая песня пропета. Илья Рейдерман сочленяет слова бесстрашно, как это делал в прозе Андрей Платонов, написавший: «Кладбище было укрыто умершими листьями, по их покою всякие ноги сразу затихали и ступали мирно». Совершенно невероятная метафора – люди как листья. Отработало тело и стало листвой. Лишь поэты не умирают. Душа Рейдермана находится в Слове.

Физиономии, лица, рожи.

Но отчего же – мороз по коже?

Слишком знакомы – и времени злоба,
и единение масс у гроба.

Рейдерман пронзительно чувствует, что весь Фридрих Ницше лежит в корне зла Зигмунда Фрейда, что битва идет между словами. Македонию нужно переименовать в Дономакию. Франц Кафка слабоват для понимания этого дела. Слова правят миром, открывают и закрывают страны и народы, уничтожают целые нации и фамилии. Чтобы нам жилось счастливо, нужно слово «Россия» заменить словом «Соряис» (видимо, Станислав Лем шифровал под Солярисом непознаваемую Россию). И будет людям счастье! Счастье на века! Гений Ильи Рейдермана узрел это, поэтому выдохнул:

Все стихи Мандельштама – написаны мной.

Я – безумец, ещё недобитый,

что стоит перед той же китайской стеной,

и терзается той же обидой.

Весь корень удач и неудач, весь мир сидит в тебе. Не оглядывайся по сторонам, не ищи виноватых. Виноват только ты.

В одном из писем ко мне, Рейдерман вспомнил поучительное:

«Как гордо писал Мандельштам Пастернаку из Воронежа, кажется – когда ни о каком напечатании его стихотворений уже не могло идти и речи – что он «наплывает» на русскую поэзию и знает, что останется в ней».

Юрий Александрович Кувалдин
писатель

«Лучшая из эстафет...»

Р.С. Спивак

Читаю стихи – и не без удивления вижу, что перед нами позднеромантический поэт, наследник «серебряного века», обладатель редкого в наши дни высокого поэтического слова. Он странным образом существует где-то между символизмом и акмеизмом, пожалуй, ближе других ему Мандельштам, о чём свидетельствует беспримерное количество стихотворений, посвящённых ему или написанных под его эпитафиями. Одну из своих книг он демонстративно назвал «Вместе», вся она состоит из стихотворений под эпитафиями. И в ней он пишет:

Пирую с вами посреди чумы!
Борис и Анна, Осип и Марина
(как мне по именам окликнуть всех?)
Ввиду объявленного карантина
поговорить мы можем без помех.

И впрямую говорит о наследстве, которое получил, и которое его обязывает продолжать разговор, «длить серебряную нить».

И тут я понимаю значение его встречи с Анной Ахматовой в её последний приезд в Москву, непосредственным свиде-

телем которой я была, пойдя по указанному адресу вместе с ним. Поэт читал раскалённые стихи о любви (адресат их был мне известен). Стихи были скорее в духе Цветаевой – но Анна Андреевна великодушно улыбалась и коротко сказала: «Пишите». Поэту нужна была эта символическая встреча – он осознал себя участником «лучшей из эстафет» – как писал в стихотворении.

Из Перми кружными путями попал он в свою «провинцию у моря», издав множество тоненьких книжечек мизерными тиражами и не завоевав известности, престижных литературных премий. Сказать ли, что судьба не сложилась? Сложилась Книга.

Может быть, проживи он другую жизнь, в тесном кругу столичных литераторов, – таких стихов он бы не написал. Конечно, иногда в его голосе слышится раздражение, порой он срывается в публицистику, а то и в открытую нравоучительность. И всё же в большинстве его стихотворений есть редкое качество – гармония! Он настоящий поэт-философ – что тоже редкость. В стихах он напряжённо размышляет, что порой не способствует ни лёгкости строки, ни лёгкости восприятия. У него есть своя устойчивая система образов, самобытная философия природы. Есть у него и подлинно трагическая лирика.

Мне интереснее всего и ближе его философская поэзия. Она – о мудрости, которая помогает понять истинные ценности жизни, о внутренней силе личности, дающей возмож-

ность пройти через испытание трагедией и укрепить свою связь с высшими инстанциями бытия. Его философская поэзия не собственно религиозного характера, но ее питают библейские образы и смыслы, как и его собственный опыт личной непростой судьбы, она требует достаточно высокого уровня культуры и мышления. Его стихи обязывают к духовному и душевному напряжению, но они не просто эмоциональны – в них бьется страсть мысли и чувства.

Я хочу процитировать стихотворение, которое поэт сам для себя считает программным. Книгу избранного он назвал «Из глубины». Это и начало известного псалма. Но это и указание на своё, так сказать, «местоположение» среди других поэтов. Он уподобляет себя рыбе, ушедшей на предельную глубину. «Я не молчу. Я говорю, как рыба/ Сквозь толщу вод кричу! Напрасный труд.» – пишет поэт.

И продолжает:

...плыть в этом – без конца и края – море,
вопросы множа и ища ответ.

Ты очутился на таком просторе! —
беда, коль путеводных истин нет...

Поторопись, – пока на полувздохе
не замолчал, судьбу свою кляня.

Так трудно в переходной жить эпохе

(она перешагнёт через меня!)

Тут и боль поэта: не слышат! Но и позиция «гордого чело-

века», знающего цену своего слова: уйти от суеты, шума, чтобы мысль додумать, чтобы тихий шёпот рождающейся строки услышать. И несомненно – это слово Поэта.

Рита Соломоновна Спивак

доктор филологических наук, профессор

Пермского государственного университета.

Философ и поэт

В.Н. Порус

(выступление на поэтическом вечере И.И. Рейдемана, организованного в рамках культурной программы VI Всероссийской научно-практической конференции по экзистенциальной психологии, психологический факультет МГУ, Москва, 2016 г.)

Я философ, и хотел бы сказать несколько слов об интимном родстве между философией и поэзией. К тому подвигает меня поэзия Ильи Исааковича. Он сам признался, что он поэт, потому что философ и, возможно, философ, потому что поэт. И это, конечно, не случайно.

Несколько слов о том, что такое поэзия, как я её себе представляю. Поэт всегда находится в поле напряжения. Экзистенциальный поэт – в поле перенапряжения. Напряжение это возникает между тайной и истиной. Между тайной и истиной – напряженное пространство. Иногда оно стягивается в точку. Эта точка – поэт. Поэт, который подвинется от тайны к истине, скорее всего, превратится в пророка или исследователя, ученого.

Поэт, который подвинется от истины к тайне – должен замолчать. Потому что тайну лучше и прочнее всего хранит

молчание. Правда, он может захотеть что-то сказать о тайне. Но тогда он попадет в ту самую ситуацию, о которой когда-то сказал Ф. И. Тютчев: «Мысль изреченная есть ложь». Это обнаружение тайны, которая пытается рассказать о себе словами – трагично, это такая трагедия, которую трудно вынести. И тогда напряжение может погубить того, кто пытается сделать то, чего он пытаться не может, оставаясь поэтом.

Поэт обречен, судьба у него такая, жить между тайной и истиной. Илье Рейдерману это удастся. И всё, что скажет поэт, а пуще того – что он не скажет, а что умный читатель, или слушатель услышит и увидит в том, что он сказал – в этом и состоит его призвание.

Я сказал о кровном родстве философии и поэзии. Философ находится там же, где поэт. Он – в том же поле напряжения. Чем он там занимается? Он, вообще говоря, должен выразить условия, при которых тайна может себя раскрыть, а истина – сохранить в себе тайну. Вот это и есть призвание философа. Он не устраняет поле напряжения, в котором живет поэзия, а пытается подняться над ним, понять, отчего оно напряжено. Он не может стать поэтом, потому что тогда он может перестать быть философом. Но, оставаясь философом, он должен ощутить в себе главный вопрос, то главное страдание, что должно стать предметом его ума и чувства. И это, может быть, является главной проблемой, как для философии, так и для поэзии.

Мы знаем, что М. Хайдеггер в конце жизни пришел к то-

му, что философия исчерпала себя и должна уступить место поэзии. Возможно, в этой хайдеггеровской мысли заключены и тайна, и истина. Возможно, поэзия воспримет философию в себя так же, как философия воспринимает в себя поэзию. И они станут одним и тем же. Сейчас этому многое мешает: посторонние влияния, различие языков, традиций, культур. Но, всё это возможно, и, мне так хочется надеяться, когда-то осуществится. Ведь, вспомним, так все и началось когда-то. Философы были поэты, поэты были философы. Отсюда традиция: Державин, Баратынский, Тютчев, Бродский, Рейдерман...

Закончу шуткой: Илья Исаакович нелегально прошелся по современным средствам общения, которые став электронными, потеряли тепло пишущей руки и слезу, капавшую на написанные слова. Да, все так. Но познакомились мы с Ильей Исааковичем благодаря Фейсбуку.

*Владимир Натанович Порус
доктор философских наук,
профессор НИУ ВШЭ*

И судьба получает объём

Комната

Вхожу. Сажусь к окну, сосредоточен.
Стекло. С аквариумом схож мой куб,
в котором, отгороженный от ночи,
как рыба, бьюсь, пока сорвётся с губ
пузыриком взлетающее слово.

...Оно уходит – неподвластно мне,
беспечное (ни стен ему, ни кровя!),
забыв меня – безмолвного – на дне.

1964 г.

«Поднимается небо всё выше...»

Поднимается небо всё выше —
и меня поднимает.

Словно бы я внутри воздушного шара,
детского, голубого шара,
только очень большого..

Весна.

«Он был не человек – бродячий цирк...»

А. Ч.

Он был не человек – бродячий цирк,
собрание чудес, чудин, чудачеств.
Он случай оседлал, как мотоцикл,
и – вверх по стенке – догонять удачу!
Вертел своих фантазий колесо.
Жонглировал словами вдохновенно.
...А в перерыве – закрывал лицо.
Ведь занавеса лишена арена.

1963 г.

Зеркало

1.

Зеркало – обезьянка —
мой повторяешь жест!
Зеркало – ты изнанка
горестей и блаженств.
Люди и годы – мимо.
Но, как всегда, – в глаза
сморит неумолимо
бледная полоса.

2.

Рассекает пространство полоска
посеребренного стекла.
Всё так просто – и слишком уж плоско.
А ведь целая жизнь протекла!
Может быть, отраженье лживо?
Зеркала научились лгать?
Всё бесплотно. А было бы живо,

если б время застыло, как гладь
стекленеющая. Чтоб память
стала домом, а не тропой.
Чтоб как зеркало, жизнь обрामить
и поставить перед собой.
Но мгновенье, жизнью согрето,
улетает путями света.
Отраженья, как льдинки, тают.
Не простившись со мной, пропадают.

1964 г.

3.

Это – я? Не подать и виду
что узнал. Но встречаю взгляд.
Вот, что в зеркале было скрыто:
тот, кем был полвека назад.
Ты, выходит, уже мой предок?
Ну а я со временем бьюсь.
Жил как мог – но тебя не предал,
новой встречи с тобой не боюсь.
И зеркальная эта полоска —
зыбкий времени водоём.
Это я там дымлю папироской.
И судьба получает объём.

3.05.15.

Мост

Скрипят ступеньки деревом и снегом,
и над мостом, как светофор, звезда,
и, паром занавешивая небо,
проносятся ночные поезда.

Простые доски тянутся в пространстве,
покрыты льдом, как схваченный поток,
и говорят о страсти дальних странствий
под стук колес и бег скользящих ног.

И мост качается, почти взлетает,
и над мостом, как светофор, звезда.

И в дымном ветре километры тают.
...Пронесются ночные поезда.

(Середина 1950-х)

Бедный Йорик

Над человеком времена – шутили.
И он шутил, пытаясь разобраться.
Скажи, не тесно ли тебе в могиле,
которую б теперь назвали братской?
Осуществить призвание – хоть вчерне!
А то ведь будущих веков историк,
глядишь, поднимет твой беззубый череп,
и грустно улыбнётся: бедный Йорик!

1964 г.

Монолог поэта

Осталась боль – хоть затянулась рана.
Кого винить? Виновны поезда.
Поэт неточен – или слишком рано,
а чаще – безнадёжно опоздал.
Глазей в окно, пока за поворотом
не скрылось всё, а дальше – напрямик.
О, рельсы строк – я предан им, я продан.
Попарно рельсы строк по шпалам книг.
И не продешевил ли я, всю жизнь
сменяя, не зная, на клочок бумажный —
билет сквозь время? С рифмою свяжись —
и уведёт от простоты домашней.
И свяжет руки – чтоб ни дать, ни взять.
И свяжет мысли в узел небывалый.
Мир твой до малости – а жить нельзя...
По шпалам, о – за истиной – по шпалам!
И если не смогу всю боль и нежность
вместить меж двух рифмующихся строк,
я оглянусь, тебя я вспомню – прежней.
И снова повторю весь монолог.

1963 г.

Нисходящая мелодия

«КАК Я ЛЮБИЛ ЕЁ!» Вы подглядели,
будьте свидетелями, фонари.
Как я бродил до зари... (В самом деле —
под фонарями бродил до зари?)
«КАК Я ЛЮБИЛ!» Тротуар, обнови же
воспоминаний истоптанный путь.
Суть была в том, что я шёл к ней всё ближе,
а становился всё дальше – вот суть...
«КАК Я ЛЮ...» Был на Урале июль —
с жаркими днями, ночью прохладой.
Памятью благоразумной верну ль
эти контрасты любви и проклятий?
«КАК Я...» Не вспомнить. И слёз не пролить
Чем возмещается сердца растрата?
Но когда нечем уж, кажется, жить —
жизнь поворачивает. Без возврата.
«КАК...» И смещение в себе ощутив,
встав пред загадкой обновления,
всё ещё ловим из отдаленья
этот затверженный старый мотив.
«КАК Я ЛЮБИЛ ЕЁ» «КАК Я ЛЮБИЛ!»
«КАК Я ЛЮ...» «КАК?»
...Нисходя по ступеням,
падая полувопросом без сил
в ту тишину, что зовётся забвеньем.

1965 г.

Из книги «Миг», «Картя молдовняскэ» Кишинёв, 1975

«Кто-то скачет на коне...»

Кто-то скачет на коне.
Кто-то за конём – бежит.
Жизнь уходит, а на дне
строчка грустная лежит.
По дороге молодцом
кто-то скачет – пыль в глаза.
С запрокинутым лицом
кто-то смотрит в небеса.
Кто-то скачет – конь горяч!
...Не ловить бы мне удач.
Просто – жить под небесами.
Хочешь – смейся. Хочешь – плачь.

Сон

И каждому был дан свой час.
Свой трезвый час среди дня иль ночи.
И странно открывались очи,
и свет, и тьму сосредоточив
в себе. И мир был без прикрас.
Всё – словно в первый день творенья,
без глянца. Разворот работ.
И совесть строгий счёт ведёт
приметам едким запустенья.
Счёт недоделок и пустот.
Как бы вращались жернова
из очень твёрдого металла,
и оправданий не хватало,
и обращались в прах слова,
и суть от формы отлетала.
Всё было неприкрыто, голо,
всё беспощадно, как во сне.
Ты всё, душа, перемолола?
И правда грубого помола —
лишь горсть одна – на самом дне...

«Открыть себя – как в мир открыть окно...»

Открыть себя – как в мир открыть окно.
И это в детстве было: не уменье,
а первый дар – быть с жизнью заодно
и повторять в себе её движенье.
Но как же уберечь нам этот дар
от взрослой недоверчивости нашей?
Кто детство потерял – тот слишком стар.
Его душа содержится под стражей.
Не может он – рассудку вопреки —
летать во сне и наяву решиться
вдруг уподобить крыльям две руки,
чтоб к небесам, как птица, причаститься...
Но человек касается небес
ладонью, от земных работ шершавой,
и все не верит мысли слишком здоровой.
И всё шумит, шумит в нём детства лес...

Эхо света

Как тонкой нити звука нет конца —
есть эхо, отзвук и преображенье,
так солнца луч, коснувшийся лица,
во мне самом отыщет продолженье.
Ты, эхо света, помысел ли, звук
нечаянно сорвавшегося слова?
Ты – тайны и признания испуг
перед определённою земного
существованья. Бродишь в глубине
под оболочкой каждого предмета,
глухим волненьем отзовясь во мне,
как жажда продолженья, эхо света!
Трудись, душа, стремясь соединить
всё то, что жизнь дала и обещала,
держа в руках существованья нить,
тот лучик без конца и без начала.

«Мне этот город преподавал урок...»

Мне этот город преподавал урок.
Самим собой быть – вовсе не заслуга!
Сам по себе небесный свод глубок
и солнце – ярко, и листва упруга.
Сама собою южная весна
вошла в деревья, переулки, лица...
В ее щедротах мне не заблудиться.
Она – и небо, и земля – она.
Как разобрать мне этот росчерк в небе
ветвей, летящих смело в вышину?
Как суть понять? Я сам – зеленый стебель,
вдруг ощутивший тяжесть и длину.
И как весна, как этот город жаркий,
– пишу себя, порвав черновики.
Правдиво. Безоглядно. Без помарки.
Еще не зная будущей строки.

«Весна еще гадает – снег ли, дождик...»

Весна еще гадает – снег ли, дождик
наслать, иль солнцем подсветить слегка.
Она еще в раздумье – как художник
перед холстом, не начатым пока.
Неверный март. Невнятно, зыбко, странно...
Какой-то шорох, шепот, тайный сдвиг.
И всё же – чудо, как весна неожиданно!
Того ли ждал? Опять врасплох застиг
взмах этой шири, рвущейся из плена,
(сверх наших мер, над нашей прозой – взмах!)
Переворот, внезапно и мгновенно
свершенный в небесах, сердцах, умах.
И взгляд уже уносят облака,
а между ними – синие провалы.
Такая синь, какой и не бывало
до сей поры, – безмерно глубока...

«И, наконец, увидеть ЭТОТ сад...»

И, наконец, увидеть этот сад,
усыпанный, как снегом, лепестками.
Мы с ним одни. Наощупь, наугад
идет неслышный разговор меж нами.
Прожилки листьев, полдень и лазурь,
и белизна цветов, и зелень, зелень...
Прими меня к себе и образумь,
и опусти, как лепесток, на землю.
И не от мудрости – от простоты
своей – пойму высокое молчанье.
И сгусток тишины возьму, а ты
махни легонько веткой на прощанье...

«Спокойно как!.. Ни дел, ни мыслей нет...»

Спокойно как!.. Ни дел, ни мыслей нет.
Всё схлынуло, а будущее – где-то
за горизонтом. И струится свет
безмерного, медлительного лета.
И я уже включен в круговорот
природы – как травинка или капля
дождя... Как будто скрепы дней ослабли
и выпал я... Куда меня несет?

«Дождь кончился, но не ушел еще...»

Дождь кончился, но не ушел еще.
Он – в сумраке над крышами и садом.
Он, близостью недавнюю смущен,
еще неловко бродит где-то рядом.
Он к телеграфному столбу припал
всем облаком, без молний и без грома.
...Прощанья молчаливый ритуал.
Как мне все это самому знакомо.

«Мне больно видеть это южный снег...»

Мне больно видеть это южный снег.
Какая жалость – он сейчас растает!
Зачем он в этом воздухе блуждает?
Зачем бесцельно коротает век?
Снег – для того, чтоб землю обновить,
чтобы внезапно – завтра наступило.
Припорошит всё то, что прежде было —
и заново, как в детстве, можно жить.
Но беспощадна юга благодать.
И на лице – как бы слезинок влага.
Ах, южный снег, к чему твоя отвага,
тебе страницей белою – не стать.
Лети с небес, хоть краток жизни миг.
Снег, будущее – на ладони таешь.
И всем, что есть в тебе, напоминаешь
о новизне, что скрыта в нас самих.

Немота

1.

Я онемел. Так стань моим,
язык огня, язык заката!
Сгорим, а там туман и дым
как тени уплывут куда-то.
Но как хорош костёр земной!
Но как велик костёр небесный!
Как жарко говорит со мной
язык огня над темной бездной!
Бросаю в топку свой словарь.
Слова как бабочки сгорают.
...Гудит огонь и повторяет
обрывки их, как пономарь.

2.

Пророки нынче устарели.
Что нам истлевших слов зола?
Нас на железной карусели

кружат насущные дела.
Но что-то высказаться хочет.
И человек, узнав судьбу,
хоть перед смертью, но пророчит,
и складка ярости на лбу.
Что не сбылось? Что не вместилось
в событий оголтелый бег?
Теперь он примет, словно милость,
последний дождь и первый снег.
О, мысль, пронзающая тело!
Но мёртв несбывшийся пророк,
кто знал лишь бессловесность дела,
и Слова высказать не мог.

«И опять облетает листва...»

И опять облетает листва,
будто падает с мира завеса.
Загляни в глубину естества
поднебесного голого леса.
Эти ветви корявы, стволы,
будто их обожгло, почернели.
Пламя дремлет внутри, в колыбели,
– тайный жар среди ветра и мглы.
Безответная жизнь – муравья
терпеливей, – а так бушевала,
щебетала, шумела, играла,
лепетала, сама не своя...
Небо – низко. Земля – под листвой.
И в просветах – простор обозначен.
Лес молчит, нежилой, но живой,
– будто за руку временем схвачен.
Что там между ветвей – между строк?
Чем пространство недвижимое живо?
Лес молчит – онемевший пророк.
Жизнь – вот слово. Сказать бы – не лживо...

Уроки геометрии

1

Круглится жизнь. Как будто бы отлита
надолго. Как ни поверни – кругла!
Вот циферблата круг – моя орбита,
свернешь с нее – и в миг сторишь дотла.
Вот круг работ, и круг забот, и мыслей...
И жизнь идет под кругленький мотив.
Качнутся день и ночь на коромысле,
дугой тяжелой плечи обхватив.
Лишь зачерпнешь – и время вновь сомкнется.
Ах, не пролить бы, выпить всё до дна...
Жизнь как вода во глубине колодца,
круглится... Малость в ней отражена:
частица неба. Вечности клочок
в оправе предначертанного круга.
И для чего же тетивою лука
душа напряжена? Какой в ней прок?

2.

Упряма прямота. Она – струна
натянутая. Но не в том ли чудо:
заденешь – и рождается волна,
улыбка, мысль, живой изгиб прелюда.
Как музыку бы – жизнь понять. Вся суть,
быть может, в том: не доверяй заботам,
отважся с колеи прямой свернуть.
Не истина ли там, за поворотом?
Спрямяют телеграфные столбы
и провода движенье мысли пленной.
Но знаю: кривизна моей судьбы —
изгиб волны, летящей во вселенной.
Упряма прямота. Но суть не в ней.
И судорогой нам тела ломает
живая боль рождений и смертей.
И страсть нас гнет и к небу поднимает.
Лишь оттяни струну усилием рук —
хоть суждено ей снова распрямиться,
но вылетит, освободится звук,
улыбка, мысль, души твоей частица...

3.

Весной слышнее первозданный зов
пространств, что жаждут с нами породниться.
И, откликаясь, мы начнём с азов,
поймём стремление ввысь ростка и птицы.
Мы кланялись, сутулились, грустили,
расчерчивали жизнь от сих до сих,
но всё не гасло, как звезда, усилье
понять ту высоту, что в нас самих.
Пугают нас небес пустые дали,
мы в быт зарылись, как в окоп, по грудь.
Что ж поднимает нас по вертикали,
как жар болезни поднимает ртуть?
Быть человеком – трудная задача.
Расти, самим собою становясь.
Но, может быть, живём мы, что-то знача,
когда сквозь нас земли и неба связь.

«О чем шумишь, не опасаясь лжи...»

О чем шумишь, не опасаясь лжи,
обойдено огнем и лесорубом,
разросшееся дерево души,
оркестр вселенной на помосте грубом?
Как выделить из сотни голосов,
которые дорогой жизнь дала нам,
тот первый, нечленораздельный зов,
что стал земли-строительницы планом?
«Пе-ре-ра-стай себя...» И, как малец,
сквозь гул дождей, что формы жизни лепит,
в своей душе подслушивает лес
тот детский, еле уловимый лепет.

«Ах время, мы и впрямь, как дети...»

Ах время, мы и впрямь, как дети
спешим накрыть его сачком,
поймать рукой, запутать в сети.
Спешим – и падаем ничком.
И вот, когда мы, обессилив,
лежим – над нами небеса,
травинка – зеленью на синем,
жучков беспечных голоса.
И жизнь мгновенная природы,
бессмертия кратчайший миг
объемлет нас. И мир велик,
заполнен временем, как соты.
И мы мгновенья собираем,
преображаем, раздаём.
А что на свете оставляем?
Себя. Во времени своём.

«Сны беззаконны. Будто бы в окно...»

Сны беззаконны. Будто бы в окно
надуло – оттого и снятся, снятся.
И все, что не сбывается давно,
опять рискует из глубин подняться.
Сны беспощадны. Простынь белизна
внушает сходство с операционной.
Беспомощен, наркозом опьяненный
в чужой, непобедимой власти сна.
Перед любой истиной – не струшу
при свете дня. Чего же снам – не рад?
Они во тьме обшаривают душу
как будто ищут позабытый клад.
Что в памяти хранил неповторимым,
то – сшито заново. Но где же швы?
...И вновь – невидимое станет зримым,
как в детстве – ветер в шелесте листвы.
Двойное зренье нужно – охватить
мечту и явь, их сплав, их нераздельность.
Разрозненному придавая цельность
порыва – времена соединить.
Сны беззаконны – всё, что мы делили,
чтоб знать отдельно, ставя по местам,
они перемножают без усилий,
соединяют: нет ни «здесь», ни «там»...
Есть только воздух – утренний, летящий,

тот ветер, что из детства – к нам в окно.

...Ах, мало ли во что поверит спящий.

Глаза открыть. Пора вставать давно.

Девочка с яблоком

Павлу Антокольскому

Вот яблоко. Что у него под кожей?
Вот девочка. Что у нее в руке?
Два мира – так близки и так несхожи.
И гаснущий закат невдалеке.
Ах, мякоть так податлива, сок – сладок.
Но шум листвы в неспешной смене дней,
но птичий свист, но этот беспорядок
ветвей – они видны, слышны ли ей?
Вот яблоко. Оно как слиток света.
Но там, внутри, во глубине зерна,
спит дерево, чья суть во тьму одета,
вся в будущем, до срока не видна.
Ты, девочка, боишься темноты.
Душа еще темна – вся в небывалом.
Безмерность мира спит в пространстве малом.
И тихо лепит свет твои черты.
Горит закат. Простор и тишина.
Как зерна, в землю падают мгновенья.
И тайна роста, полнота творенья
– в руке твоей, природой вручена.

Городское дерево

Ах, дерево. Зеленая листва
среди стекла, и камня, и металла.
И тайные слова, что жизнь права,
а, значит, жаловаться не пристало.
Гребет по небу ветка, как весло...
Что ж, если занесло сюда – не сетуй.
Вбирай в себя бензинное тепло.
Дай кислорода городскому лету.
Не убежать. И некуда спешить.
Даруй же нам – дыхание большое.
Преображай оттаявшей душою
всё то, что есть, в то, чем дышать и жить.
Быть может, ты и вправду ждешь чудес?
Но это – неуместная причуда,
когда вокруг тебя, увы, не лес,
и шум листвы – среди уличного гуда.
Всё, что случится, – с нами, не с тобой.
А ты – живи, в детали не вдавайся,
над нашей торопливою судьбой
всей бескорыстной жизнью поднимайся.

Песенка о страхе (Из поэмы «Чили. Несколько кадров»)

Что человек? Всего лишь прах.
Шагающее тело.
Пускай его объемлет страх
под мушкой прицела.
Живите, милые, дрожа!
белей бумаги – лица.
От страха вылетит душа,
а тело покорится.
Безликий страх, великий страх —
ты охраняешь нас.
Исчезло время. На часах
лишь комендантский час.
Остановитесь век и год.
Мгновение – да наше!
И эта полночь не пройдёт,
покуда страх на страже.

Хор:

Да здравствует непреходящее
вечное настоящее,
застывшее в смертном страхе,

корчащееся на плахе.

«В июле – три совсем осенних дня...»

В июле – три совсем осенних дня.
Брели дожди неспешно, ветры дули.
О чем напоминание – в июле?
Казалось: солнце, небо – нам родня.
Мы раздвигали полдень, как волну,
руками зрячими – и открывали
в самих себе иную глубину,
и будто соль, заботы растворяли.
Казалось, есть и наше соучастье
в том, что встает рассвет, горит закат,
взлетает птица... Может, в том и счастье,
что дни идут сквозь нас, и нет преград
движенью их. И ясен мысли ход,
подобен сам явлениям природы.
...Но дождь – без края. Застлан небосвод.
Из будущего к нам прорвались воды.
Дождь – будто из разбитого сосуда,
уходит время, пущено в расход
до срока. Мимо нас, без нас идет.
...Холодное стекло воды повсюду.

«Гудят лишь телеграфные столбы...»

Гудят лишь телеграфные столбы.
А дерево – прислушивается молча,
чтобы услышать зов своей судьбы,
или тишайший дождь, идущий ночью...
В его быту нет места суете.
Оно не ждет событий и okazji.
Учусь я у деревьев простоте
в наш век коротких телеграфных связей.
Бежать куда-то? Отводить глаза
от лиц на циферблат? С поспешным «здравствуй»
сближать «прощай»..? Как манят небеса
и желтизна листвы своим контрастом!
Мне б в эту синь глубокую взглянуть
через осеннюю листву сквозную
и не спеша, как дерево, тянуть
в себя задумчивую тишь лесную.
Но я очеловечен. И не сок
древесный, сладкий – кровь гудит в сосудах.
И время ударяет мне в висок,
спрессованное в скоростных минутах.
И как же вместе – созерцать и жить?
Плачу я по тарифу за мгновенье.
От времени посланье получить —
и отстучать в ответ сердцебиенье...

Тирасполь. Листопад

И лишь теперь поймешь, как много было
листвы зеленой в полдень над тобой,
когда повсюду – шорох неживой,
когда и солнце в памяти остыло.
С налету ветер упирался лбом
в заслон листвы – и дерево шаталось.
Казалось, что нужна еще лишь малость,
чтобы взлететь. Был каждый лист – крылом.
Но крепко жизнь держала. Ах, она
двулика в неустойчивости прочной.
Меж небом и землей – на ставке очной —
листва трепещет. В чем ее вина?
Виновна в том, что, двух стихий родня,
шумит, самой себе противореча.
Как высоки и как невнятны речи,
что затихают на исходе дня.
Но осень... Обжигает, как иод,
земная крепость вольного простора.
И лишь теперь, как завершенье спора,
поймешь листвы бесчувственной полет.
Не ощутить ей мига торжества.
Летит – и шире расступились зданья.
Она уже мертва. Летит листва.
Она – во власти нашего дыханья.
И лишь теперь поймешь, на что отважась,

– летит. Пусть выдох мой – продлит полёт
листка, что потерял земную тяжесть.
Летит листва. Бессмертье настает.

«В этом моцартовском кларнете...»

В этом моцартовском кларнете
неодолимый, печальный простор.
Что вы, деревья, шумите как дети?
Ход нашей жизни слишком уж скор.
Ветер ли, выдох в раструб музыкальный,
время уходит, а зелень всё та.
И остаётся с поры изначальной
музыка, как изнанка листа,
чуть с серебрянкою. Тополь родимый,
Моцарта слушай, со мною побудь!
В музыке этой, как ветер, незримой, —
к жизни нетленной, как в детстве, прильнуть...
Как хорошо нам! Час наш не пробил.
Дышим, в пространстве отзвук ища.
Слушай со мною Моцарта, тополь,
перед бессмертием не трепеща.

Памяти Анны Ахматовой

1.

Быть собеседником живых
и тех, кто жил – нужна отвага.
И выдох, воплощённый в стих —
беспечней гибельного шага.
И память – долгий-долгий вдох,
что полон до краёв терпением.
Так Дант по каменным ступеням
сходил без страха. Как он мог?
О, глубина существованья!
Пронизывая, вороша
предчувствия, воспоминанья —
не вещь, а ветер живой – душа!
Дыханье вырвалось из круга
сиюминутного, входя
туда где слышен голос друга,
как шелест листьев, шум дождя.

2.

Стихи взлетают белой стаей
среди вседневной суеты,
и в нас, как в небе, исчезают.
Пусть будут белыми листы.
Вся суть лишь в том – начать сначала.
Так жить, как будто смерти нет.
Чтобы строка не умолкала
чтобы опять душа на свет
рвалась из тьмы времён, из тьмы
бессмертия, что глухо, слепо
без нас... Ведь нынче только мы —
твой голос, и земля, и небо...

**Из книги «Пространство»,
издательство «Негоциант»,
Одесса, 1997 г**

«Ах, бабочка, – куда тебя несёт!..»

Ах, бабочка, – куда тебя несёт!

Летишь ведь не над лугом, а над морем.

И мы с пространством понапрасну спорим
(в бескрайность канем – кто тогда спасет?)

Летишь на гибель. Крылышками машет
вселенский случай, рок или судьба.

И кто-нибудь из нас привычно скажет:

«Природа неразумна и слепа».

Летишь, сама не ведая, куда.

А может, в пустоте изнемогая,
за горизонтом бабочка другая
уходит в даль, где небо и вода?

Летишь. И не свести концы с концами
(а может быть, с началами?) Мы сами,

внезапно отрываясь от себя,

летим (хотя б во сне). Толкает что-то

весь мир обнять... Вот истина полета!

Не знали разве? – в даль летят любя...

«А жизни тоненькая нить...»

А жизни тоненькая нить
того гляди и оборвётся.
Но нужно длить её и длить,
покуда это удаётся.
Навеки породнить спеша
два мига, двух сердец биенье.
Лишь это целое – душа,
отдельности преодоление.
Все впечатленья и события,
всё, что без нас тоскует врозь,
соединять живою нитью,
порою наспех, на авось.
Так жить, чтоб не зиял пробел.
Кривым стежком стянув два края.
Всем телом бездну прикрывая,
не вопрошая, где предел.

1971 г.

«Воспоминания – не дом, а дым...»

Воспоминания – не дом, а дым.
Ещё клубятся – но живёшь иным.
И в сторону уносит по кривой
разъятый прах минуты неживой.
Но горький воздух – камня тяжелей, —
летит, недвижим, сквозь движенье дней.
Среди машин, забот, бегущих толп —
лоб расшибёшь об этот дымный столп.
И вдруг поймёшь: прочнее, чем гранит,
ушедшее. На том – душа стоит.

1977 г.

«Мой Бог, как просто всё на этом свете...»

Мой Бог, как просто всё на этом свете,
когда встаёшь и куришь на рассвете,
и боль под сердцем чуточку сосёт,
а в небе тело ласточка несёт,
движенья крыльев трогательно-зыбки...
Всё внятно взгляду. Нет ни в чём ошибки.
И о печалях знаешь наперёд.

1977 г.

«Я помню, что улыбка, будто птица...»

Я помню, что улыбка, будто птица,
внезапно отделялась от лица,
взлетала – и не ведала границы
меж мной и миром, длилась без конца.
Мы узнавали: есть всему причины.
Нас обучал небескорыстный быт.
И спит улыбка в глубине морщины.
Как в коконе – бескрылая – лежит.
Но тайно верим мы в свои начала.
И подступают молча времена.
И требуют, чтоб птица вылетала
из каждого лица, как из окна.

1976 г.

«Две рифмы жалкие в горсти...»

Две рифмы жалкие в горсти,
и жажда, крепнущая в быте:
суметь за край мгновенья выйти
и обнаружить даль пути.
Две рифмы бедные. Что в них?
Повтор? Догадка? Вдох и выдох
пространств безмолвствующих, скрытых
не где-нибудь, а в нас самих.
Шумит незримая листва.
Опять душа не знает меры.
И постоянство тайной веры.
И бездна скрытого родства.
Ах, нужно, чтоб слова цепляли,
чтоб не текли – со мной брели,
измерив башмаками дали
моей невидимой земли.

1976 г.

«Когда в своей постели, сном объаты...»

Когда в своей постели, сном объаты
лежим – где наша жизнь тогда?
Пускай не вся – но ведь ушла куда-то.
И знаем ли – куда?
Она пешком идёт по белу свету,
не ведая дневных забот.
И что ей наши радости и беды? —
теперь её черёд.
Неужто же ей негде разгуляться
в душе моей средь бела дня?
О, погоди, очнись дай, подняться!
Жизнь, пощади меня!
Мы спим – и ожидаем возвращенья
той жизни, что ушла от нас.
Вернись! Я заслужу твоё прощенье
и вспомню с миром связь.

1968 г.

«За каждой мыслью – голоса других...»

За каждой мыслью – голоса других.
За каждым словом – ожиданье слова
и созидают глубину живого
все те, кого и нет среди живых.
И жизнь, которая сегодня есть,
не нас одних вела и обнимала.
Так много жизни, что нельзя и счесть!
А мы твердим, её не зная: мало.

1968 г.

Борису Пастернаку

Бессонница. Развал. Начало марта.
Где небо? Где земля? Слепая смесь.
Весна смешала всё, и день, как карта,
случайным выпал, первоизданен весь.
Прости мой слог – хоть вылезай из кожи —
слова с тобою схожи. Иль – с весной?
Но вытолкнут, как мальчик из прихожей,
лицом в весну – что бредить новизной?
Подслушать, угадать: за каплей капля
жизнь прибывает. Найден верный тон.
Идёт премьера вечного спектакля,
в котором счастлив ты и побеждён.
Туда – в артисты! Даже и статистом
входя частицей в сплав всего, что есть.
Пусть породнится всё в созвучье чистом.
Ты прав, поэт. Быть частью – в этом честь.

1970 г.

«Прольются дни, как грозовые тучи...»

Прольются дни, как грозовые тучи.
И жизнь уже захлёстывает нас,
непостижимой полнотою муча,
смывая пыль давно готовых фраз.
В бессилии, себе противореча,
стоишь, внезапной болью с толку сбит:
где мир, что должен быть очеловечен?
Где высший смысл, что всё одушевит?
Но всё ж очнётся потрясённый разум,
иначе бы не стоил и гроша,
поднявшись над слепым многообразием,
невидимой гармонией дыша.

1976 г.

42

«Жизнь моя, постой же! Рвётся в небо...»

Жизнь моя, постой же! Рвётся в небо...
Ей в руках синицей быть? – нелепо!
Горизонт ли тянет как магнит?
Эта даль и вправду – всех роднит.
Так беспечно облака летят!
Вслед за ними – улетает взгляд.
Мысль, едва родившись – вдаль стремится.
Ни на миг нельзя остановиться,
прошлое храня, судьбу кляня...
«Улетай!» – пишу я на странице
Этого сияющего дня.

1976 г.

«Железную лестницу чистил от льда...»

Железную лестницу чистил от льда,
железом стучал о железо
и грязная тающая слюда
слетала со свежего среза.
И что-то блеснуло во тьме среди туч —
превыше всего, что нам надо.
О, холодом нас обжигающий луч
немыслимо дальнего взгляда!
В меня опрокидываются небеса,
бесчисленные звучат голоса.
Душа – мирозданье вмещаешь!
И в холоде будней – скучаешь.

1971 г.

«На негативе тьма – как будто свет...»

На негативе тьма – как будто свет.
И всё живое – негатив природы,
на тьму её подземную – ответ,
пробел, просвет, зияние свободы
Над чьей-нибудь могилою в слезах
стоишь и тупо повторяешь снова:
откуда он, бессмертный свет в глазах —
с небес или из трепета живого?
Как ни трудись – но не заделать брешь,
не защитит тебя и крепость быта.
Ведь может быть, пока ты спишь и ешь—
душа твоя бог весть чему открыта.
Ах, господи, – она тебя предаст,
или спасёт (зови как хочешь это).
Но, лишнее бросая, как балласт,
рванёшься в неразумной жажде света.

1980 г.

«Выстреленный ввысь комочек плоти...»

Выстреленный ввысь комочек плоти —
знаешь ли, зачем тебе лететь?
Неужели только в самолёте
можем мы за временем поспеть?
А ведь было: споря с временами,
дерзкий дух взлетал, как лёгкий пух,
и, витая в облаках над нами,
бередил пророчествами слух.
Да и мысль, воздушным коридором
уходя в грядущие века,
не нуждалась в помощи мотора,
ибо – вдохновенна, высока.
Нынче ни к чему высокий слог.
После нас в пространстве остаётся
только этот тающий дымок,
что с соседним облаком сольётся...

1980 г.

«И знать не знаю, отчего спешу...»

И знать не знаю, отчего спешу.
Предчувствие отмеренного срока?
Но я случайным воздухом дышу,
беспечно веря, что конец далёко.
Торопит что? Какой-то тайный страх
невысказанности. Молчанья бездна,
где всех ушедших бессловесный прах,
что жаждет формы, продолженья, места.
О, вылепить бы из земли молчащей,
из праха, глины тяжкие слова,
живым огнём обжечь сосуд звучащий,
земную плоть, в которой мысль жива.
Спешить, продолжить, сызнова начать
ту речь, что прервалась на полувздохе.
Такая жажда слова у эпохи,
что не имеем права не сказать.

1978 г.

Тихие вещи

Райнеру Марии Рильке

Как много их, живущих рядом! Знаю
их лица, их походку, их напев,
но только сверху взглядом задеваю,
их тихой глубиной не овладею.
Я их читал, я видел их и слышал,
но и рукой касаясь, был далёк,
как гость, что лишь зашёл на огонёк,
и, душу не обременяя, вышел.
Так человек, что занят разговором,
съел яблоко – и вкус его забыл,
и пустота в руке – глядит с укором:
я – яблоком была! А ты – кем был?
Что яблоко... И я ведь, сам не свой,
быть видимым желаю, вопрошая!
Но исчезает жизнь моя большая,
входя во взгляд рассеянно-пустой...
Все вещи ждут, вниманьем дорожа,
молчат и ждут – чтобы стать моим уделом.
Чтобы увидел их не между делом,
весь – без остатка – им принадлежа.

1980 г.

Е. Шелестовой

1.

Дело вовсе не в том, не в том,
что шепчу пересохшим ртом...
Может, в ритме, в паузе дело?
Слышишь, бабочка пролетела!
На пороге яви и сна
машет крыльями тишина.
Не моя она, не твоя —
эта капелька бытия.
Может быть, первородный грех
отделил навсегда от всех
малых сих, бесконечно милых,
бессловесных, трепетнокрылых?
Дело вовсе не в том, не в том,
что шепчу пересохшим ртом.
Что ей, бабочке, все слова?
Я неправ. А она – права.

2.

Где ты, бабочка? Ведь была.
Чуть присела на край стола.
Только как этот миг ни дли —
мы на разных концах Земли.
Не зови ее – не поймет!
Все слова мои – недолет.
На пол падают, как горох,
зарифмованный выдох и вдох.
Окрыли меня, тишина...
Не пугай меня, пустота!
Бесконечна моя вина?
Неизбывна моя беда?

«Идёт без отклонений, по прямой...»

Идёт без отклонений, по прямой
жизнь (хоть куда милее ей – кривая),
смирности своей не понимая,
и как-то ухитряясь быть живой.
Она вошла в такую колею —
не ведать перемен и потрясений,
а лишь глядеть, как в ясности осенней
всё обретёт законченность свою.
Быть может, там, где видел тесноту,
увидишь вдруг, как стало вольно свету.
И жёлтый лист кружится на лету.
И мысль твоя кружит, чтоб кануть в Лету.
Как ни была бы жизнь твоя мала —
но сверх забот в неё вместилось что-то:
хотя бы эта прямизна ствола,
хотя бы эта кривизна полёта.
Понятнее – особенно к концу, —
что не напрасен этот свод небесный,
и даже мысль о жизни бесполезной —
не бесполезна. Каждому к лицу.

1980 г.

«Держится за воздух птица...»

Держится за воздух птица
и взирает свысока.
мне бы взглядом зацепиться
за деревья, облака.
Мне б в пространстве удержаться,
не спешить и не бежать.
Мне бы к дереву прижаться,
никуда не уезжать.
Но сильнее – жизни проза.
Я – автобусом влеком.
Намотает на колёса
все пейзажи за окном.
И покуда я в заботе
мыслям дам привычный ход,
целый мир, лишившись плоти,
беглым призраком мелькнёт.
Что там дальше, что там ближе,
где там радость, где беда?
...Этой ветки – не увижу,
не увижу никогда.
Прикоснуться – и проститься?
Подглядеть – и позабыть?
И глядит надменно птица,
презирая нашу прыть.

1991 г.

В ожидании дождя

Андрею Сергееву

1.

Над головою дождь висит
и всё не упадёт.
О чём душа твоя грустит,
роняя нить забот?
Ах, ей нужна другая нить,
серебряная нить.
Её сучить – как слёзы лить,
за каплей каплю – лить.
Она из пряжи облаков,
из бездны бездн, из тьмы веков,
чтоб выверить судьбу – отвес
из глубины небес.
Сверяйся с этой прямоюй.
Свыкайся с этой высотой.
(О, гром живой! О, дождь большой!)
...Не покриви душой.

2.

А если жизнь утратит связь,
гляди на облако, дивясь,
как в целокупности растёт,
охватывая небосвод,
и ни зазоров, ни пустот —
единой жизни ход.

Ах, что там вправду надо мной?

Не туча, так судьба.

И небо говорит «родной»,
дождём касаясь лба.

1982 г.

«Эта весна – мимо меня...»

Эта весна – мимо меня.

И не найти ни зазора, ни щели,

чтобы увидеть небо апреля.

Непробиваема будней броня.

Словно бы в поезде – лес и дорога

мимо мелькнут, понапрасну дразня

взгляд опоздавший... Пстой, ради бога!

...Эта весна – мимо меня.

Может быть, чувства мои не посмели

выйти украдкой за краешек дня,

знать наперед, что лежит в колыбели?

Эта весна – мимо меня.

Жизнь моя, помнишь ли голос стихии,

или стихиям уже не родня?

Может быть, будут весны другие,

эта весна – мимо меня.

Ходишь, не видя, не слыша, не зная,

непроницаема дней пелена.

Где же язык, чтобы крикнуть: родная!

Где же глаза, чтоб увидеть: весна!

Три стихотворения

1.

Что сделаешь – душа устала
и спит в объятиях забот.
А мне теперь спокойней стало,
хотя её не достает.
Что сделаешь – душа уснула,
не радуется, не болит.
Подземного не слышит гула
и в омут неба не глядит.
Она оглохла и ослепла,
она бесчувственна давно.
Куда шагну я – в рай ли, в пекло,
ей, бедолаге, всё равно.

2.

Как будто под наркозом —
бесчувственно молчим.
Задаться бы вопросом,

да видно нет причин.
Дождаться бы ответа —
да на какой вопрос.
И до скончания света —
бессмысленный наркоз?

3.

Засорилась моя душа.
Закопtilась моя душа.
Слишком многое накопилось —
разобраться бы не спеша.
Отчего мы бываем злы —
не поймешь без большой метлы.
Вот и взяться бы мне за дело,
заглянуть бы во все углы.
Я не знаю тебя, душа, —
хороша ли, дрожишь без гроша...
Ты какая на самом деле,
против истины не греша?
... Не увидеть тебя глазами,
деловито копаясь в хламе.
Но омыть бы тебя слезами,
если боль горяча, свежа...

Ироническое

1.

Победил, потерпел ли фиаско,
только стиснут со всех сторон,
снова едешь в автобусе тряском,
неудавшийся Наполеон.
И такое оцепененье!
И, глотая бензинный чад,
погружаясь в свои виденья,
все чего-то ждут и молчат.
Мы истратили все слова,
и уже понимаем едва,
кто мы, где мы, грезим ли, бредим
и куда мы, собственно, едем.
Может быть, и впрямь через Лету
(вот по этому – с дыркой – билету),
и связала нас навсегда
круговой бедой немота?

2.

Нынче быть исповедальным
кажется провинциальным.
Знай, гляди, нахмутив лоб,
в микроскоп иль телескоп.
Что увидел ты, приятель,
наблюдатель, обыватель
одного из сих миров?
Что молчишь? Ты нездоров?

3.

Как вам живётся в мире,
где дважды два – четыре?
Все вычислено точно,
осмыслено научно.
Скажите, вам не тошно?
Скажите, вам не скучно?
Как вам живётся в мире
среди машин, цифири,
где всё сочтёт, как надо,
способный бюрократ,
где ваша жизнь – цитата

среди других цитат?
Ах, этот мир удобный!
Да жаль – душа мертва.
И надписью надгробной
над нею: ДВАЖДЫ ДВА.

Экологическое

1.

Был магазинчик в темном подвале.
Заперли двери и вывеску сняли.
Скажешь: о чем ты? Пустая потеря!
Я же отвечу: пустая? Едва ли!
В мире, где царствует лишь новизна,
кто ты, любым дуновеньям послушный?
Словно бы пляшущий шарик воздушный —
ниточка только и держит одна.
Переиначили. Переменили.
Жажда привычного, вечного, или
что-то другое тревожит меня?
Вывеску сняли. Двери забили.
...Словно машину по трассе гоня,
об указательных знаках забыли.

2.

Старое дерево во дворе

мне говорит: «Взгляни!
В лопнувшей, словно кожа, коре,
я доживаю дни.
Душу свою навстречу открой,
прохладу мне дай и тень.
Возьми же меня – с больною корою —
в свой незакатный день.
Буду в тебе расти до небес,
с мыслью твоей в ладу.
О, человек, зашуми, как лес,
дай я в тебя войду!»
Дерево глухо во мне шумит
и говорит: «Распрямись!
Что же ты сам от себя скрыт?
Я ищу твою высь.
Что же ты так душою не смел?
Я ищу твою даль.
Не знаю, ты ли меня пожалел,
мне ли тебя – жаль.
Может, любви твоей, как дождя,
я понапрасну жду?
Неужто я – в тебя уходя —
в небытие уйду?»

1980-е

Из поэмы «Голоса»

Монолог о мертвых среди живых

Они пускают папиросный дым,
красуются напрасным красноречьем,
а жить уже и незачем, и нечем,
хотя еще причислены к живым.
Ах, древним было всё ясней. И Лета
текла не возле наших площадей —
вдали от шума и дневного света,
в глубокой тайне от живых людей.
...Я не хочу по берегу речному
бродить между «нигде» и «никогда»,
сдаваясь равнодушьем ледяному,
от жизни отрекаясь без стыда.
Ведь даже камень, солнцем обогрет,
к земле прижмется крепкою спиною,
и копит тяжесть, впитывая свет,
и умножает бытие земное.

Монолог о силе инерции

Как многие, живу лишь по привычке
На все готов заранее ответ.
Но если спросит жизнь на переключке:
«ты здесь?» – меня, сказать по правде, нет...
Конечно, всё как надо, всё по плану
отмерено. И мой порыв смешон.
И я загадкой для других не стану,
и, как задачка школьная, решён.
Но эта жизнь страшна, когда она
как механизм часов, что гонит время
по кругу. Слепо управляет всеми,
и неизвестно кем заведена.

«...Это пир мертвецов, притворяющихся живыми...»

...Это пир мертвецов, притворяющихся живыми.
Это пустые глаза и оружие рты.
Это тело, еще откликающееся на имя,
но уже не ведающее запретной черты,
(ибо оно бредет по нескончаемой свалке,
где обломки прекрасных иллюзий, обрывки идей,
непонятного цвета лохмотья на палке,
разбитые памятники когда-то великих людей...)
Ржавая цепь названивает обрывки чудных мелодий.
Это какая эпоха? Какая страна?
...Увы, заблудшее тело – подобно пустой колоде,
где жили некогда пчелы. Смешались все времена.
И не запомнить Слова. Не отыскать дорогу.
Ах, позабытое слово – сосущая смыслы пчела!
Пчелы мои – вы улетели к Богу,
оставив свои невесомые хитиновые тела...

конец 1970-х

Бег трусцой

Не накопив здоровья на сберкнижке,
опомнился. Хочу дышать легко.
Хочу бежать, не ведая одышки,
пространства пить парное молоко.
Сначала вовсе незаметна трата
беспечных сил. Но путь еще далек.
И воздухом божественно-крылатым
наполню грудь, чтоб выполнить урок.
Глубокий вдох, чтоб стало невесомо
всё то, что остаётся за спиной,
чтобы всё дальше от родного дома
бежал, не мучим никакой виной.
Фонарный столб. Канава. Дом без крыши.
Как рыба, выпрыгнувшая из вод —
лечу! Хочу, чтоб дали – стали ближе.
Еще фонарь. Витрина. Поворот.
И вот она, блаженнейшая легкость!
Уже не я бегу, а всё ко мне
бежит навстречу, одолев далекость,
в своей, уже не скрытой, новизне.
И эта ночь, и город – не напрасны.
И пусть уже захватывает дух —
хочу быть словом на устах пространства,
легчайшим словом, высказанным вслух.
О, если б только без конца дорога!

Но я остаток сил не сберегу.

Еще мне эта легкость – вместо Бога...

Взамен всего... еще бегу. Бегу.

Воспоминание о великом оледенении

Сперва шёл снег.

Потом шёл дождь.

Потом шёл снегодождь.

Всё это – без малейшего перерыва,
шурша, шумя, обволакивая, прилипая...
(Мы и не заметили, как это произошло —
оледенение!)

В капсуле льда – провода,
железные поручни лестниц,
водопроводный кран во дворе.

Что-то пошло вкривь и вкось —
и в щели вползает стихия.

День – не хочет светить. Лёд не хочет растаять.
Будто бы окаменевшая мысль
налегла, навалилась, согнула...

Рвутся провода. Не выдерживают деревья —
вырванные с корнем, ложатся поперёк дороги.

Днём и ночью, не переставая,
что-то шуршит, шелестит, звенит, рушится,
как будто сыплется песок
в простенках разваливающегося дома.

Мой сын поднимает ледышку,
кричит: посмотри, сосулька!

А внутри – замерзшая ветка.

Время

1.

Я хотел бы быть со всеми,
не пропасть во тьме навеки.
Но в лицо не смотрит время.
Поднимите веку веки!
Мне во сне кошмарном снится
пустота в его глазницах.
Взгляд – не добро и не зло —
сквозь меня, как сквозь стекло.

1970-е

2.

А время шуршит, словно листья сухие,
как ветер шумит и как дождь моросит,
и мимо идёт с равнодушьем стихии,
как будто бы нам и не принадлежит.
Безжалостна осень. Чертою итога,
последним спокойствием – сводит с ума.

И кажется – это навеки без срока.
Вчера или завтра – всё шум водостока
и новой страницей не ляжет зима.

3.

Время выронит нас из объятий,
не заметив потери своей.
Неужели мы всех виноватей
из его незаконных детей?
...Лишь дыра, из которой дует,
безвременья кромешный стыд.
Нас в грядущем не существует.
Нас прошедшее – не вместит.
Как в кино на экране – тенью
мельтеши, отдаваясь мгновенью
до того, как выключат свет.
Век мой умер. И времени – нет.

25.04.95

«Ехать спокойно...»

Ехать спокойно
вслед за теми по той дороге,
где взгляд ржавеет, слух наполняется шумом.
Не ведать, что заблудился
внутри огромного механизма,
кружа в его коридорах, попадая в какие-то залы,
где разные судьбы наматывают
на общее колесо.
Умирая от скуки,
в цветной телевизор уставясь,
(ибо краски живого мира тебе уже недоступны)
ехать спокойно.
И жирные похвалы «нашей прекрасной системе»
будут чадить, как свечи за упокой души.

Неописуемые дни (Цикл стихотворений)

«Пришли неописуемые дни...»

Пришли неописуемые дни.
Враг за врагом идут – не друг за другом!
И, окружённый этим страшным кругом,
шершавый воздух глубоко вдохни.
У нас, чтобы сказать о них – ни слова.
Дни – на одно лицо, и вовсе без лица.
Зачем ты, жизнь, и где твоя основа?
Пуста ли ты, как скорлупа яйца?
Безмолвный воздух глубоко вдохни.
Пришли неописуемые дни.
Дыханье удержи и запечатай рот,
побереги последний кислород.
Ведь знал: тюрьма возможна и сума,
и даже жизнь, сошедшая с ума.

22.04.95

«Надоели, как пицца без соли...»

Надоели, как пицца без соли,
дни без цвета, без солнца, без воли.
Как устали, отчаялись мы
от бессовестно долгой зимы!
Порыжелая зелень сосны
за кладбищенскую стеною.
Прорасти бы сквозь будни травую.
До чего же мы жаждем весны!
И грохочет трамвай по кривой.
И в окне неумытом трамвая
отражается столб световой.
Ах, куда ты вывозишь, кривая,
что за даль там и ширь мировая,
и откуда он – свет даровой?

17.03.96

«Несправедлива судьбы кривизна...»

Несправедлива судьбы кривизна
и непосильна ноша земная.
Господи, жив? Неужели – весна?
В небо гляжу и Гомера читаю.
Ты неизбежно, безумие жить.
Дионисийская суть мироздания!
Деревом стать бы. Плоть обновить.
Пить бы и пить – до потери сознания —
свет, что с подземной смешается тьмой,
тьму, что с небесным смешается светом.
Этот напиток – священный, хмельной,
что иногда достаётся поэтам.

8.03.95

Все стихи Мандельштама – написаны мной

1.

Все стихи Мандельштама – написаны мной.
Я – безумец, ещё недобитый,
что стоит перед той же китайской стеной,
и терзается той же обидой.
Изменяются даты, ну а времена
лишь прикидываются иными.
Но беспамятства чашу – выпей до дна,
заодно – позабуди своё имя.
Слово – в дьявольской ступе толкут в порошок,
(истолкли – и перетолковали!)
...Все-то жизни – на выдох и вдох, на стишок.
Отличаются только детали.

20.05.95

2.

Я опять читаю Мандельштама.

Страшно, ибо знаешь наперед,
Что ведет строка кривая – прямо
И никто от смерти не уйдет.
Да хоть заговаривайся, хоть
Уцепись за собственную строчку —
Не обманешь знающую плоть,
Смертную не сбросишь оболочку.
Прыгнуть из судьбы, как из окна,
К воздуху приклеиться, прилипнуть?
Снова клятвы раздает весна —
Но нельзя в итоге не погибнуть.

26.05.96

«В зеркале видишь нечто вроде доноса...»

В зеркале видишь нечто вроде доноса:
всклокочены волосы, да и взгляд диковат,
седины, морщины – словом, житейская проза
плоская. Что же ещё зеркала отразят!
Всё же вгляжусь в это стекло ледяное.
Что там за даль? Это окно за спиною...
Зыблется что-то без края – вода или свет?
Что там такое, чему и названия нет?
Там серебрится, едва различимо в сиянье,
облако светлое. Может быть, это душа
лепит себя, постигая уроки ваянья?
Боже ты мой, как и вправду она хороша!
Свет беззаботный, свободный, сияющий праздно,
свет из глубин – серебрится, мерцает, течёт.
О, этот луч, расправляющий складки пространства!
О, этот миг, отменяющий времени счёт!
Будни вернутся – но что-то и вправду ведь было.
Бедное зеркало – душу мою отразило?
...Ну а теперь – на стекло натывается взгляд.
Вот и гляди на себя, будто в чём-то и впрямь виноват.

«В этой пресной воде повседневных забот...»

В этой пресной воде повседневных забот
я давно онемел уже – рот открываю как рыба.
Мне бы несколько слов настоящих! Мне бы несколько
нот
среди скрипа и хрипа.
Что в трамвае твержу сам себе посреди толкотни? —
«Не позабыть бы, купить бы хлеба...»
Неохота вам в спину глядеть, уходящие дни.
Мне бы музыки! Неба!
Вот, просыпаясь, одолевая дремоту,
не в силах глаза открыть – открываю рот.
Только бы взять начальную верную ноту,
«Слава Богу» сказать. А дальше, быть может, пойдет...
И начнется мелодия дня, хоть споткнется сто раз,
оборвется и снова начнется... О, Господи, дальше!
Ибо жизнь – это, может, всего только несколько фраз,
произнесенных без фальши.

31.05.95

«И чай наливающий в чашку...»

И чай наливающий в чашку
подумает вдруг: ерунда!
Исписана эта бумажка,
нельзя перечесть без стыда.
Жизнь – глупое очень занятие,
но смерти оно не глупей.
Какие нас держат объятья —
не те же, что и голубей,
деревья и камни? Не те ли?
И не надоело творцу?
Присутствуй, душа моя, в теле,
шепчи свою тайну лицу.
Понять бы, в чём жизни основа,
и правду сказать невзначай.
Ещё бы мне слово, полслова —
пока допиваю свой чай...

23.06.96

«Я – дерево в полдень. О чём я шепчу...»

Я – дерево в полдень. О чём я шепчу,
зачем заполняю пространство собой,
и, каждый листок подставляя лучу,
зачем я гляжу в небосвод голубой?
Казалось, я небо держу на весу,
раскачиваю на ветвях облака.
Я чудную чушь безрассудно несу
о жизни, что так бесконечно близка.
Но лето уходит. О, свет мой, прощай!
Ещё тебе долго гореть и сиять,
но слышится в возгласах птичьих – печаль,
но мне – на ветру одиноко стоять,
глядеть безутешно всей тысячей глаз.
Я слиться не в силах с сиянием дня.
Пока ещё вечное длится сейчас,
мой свет уходящий – обнимешь меня?
Есть завтра – я знаю. И было вчера.
Ах, всё, что я в вечности знал – позабыл.
Мой свет уходящий – прощаться пора!
Я деревом, смерть осознавшим, застыл.
Казалось, я деревом буду вовек.
Но, видно, и мне человеческий путь.
Но больно, как будто и я – человек.

...Как в гору подняться. Как воздух вдохнуть.

13.07.96

«Эта роза засохла, но не увяла...»

Эта роза засохла, но не увяла.
В завитках лепестков – сокровенная тьма.
Как очерчена страсть! Эти бездны, провалы...
Это губы любимой, что сводят с ума.
Это жизнь, что ушла – перечти ее снова,
разгадай эти знаки, пойми письмена,
расколдуй этот жар, этот запах былого.
Ну, а впрочем, не надо – ведь бездна без дна.
Может вдруг уколоть этот шип, это жало.
Не гляди, не гадай, этой тьмы не пытай.
Хоть исчезло давно все, что жизнь надышала,
стало дальше, чем Африка или Китай.
Только форма бездушная, слепок растенья —
эта роза, бесстыдно живая на вид.
Только мертвая форма любви и цветенья,
что не в силах уйти и над жизнью стоит.

22.01.96

«Я зиму одолел, переборол...»

Я зиму одолел, переборол,
но весь в долгах, и как деревья – гол.
Чем стану по счетам платить – не знаю.
Я наг и нищ. Душа – дыра сквозная.
Все без изъятья умещает взгляд.
Теперь я знаю истины простые.
На бедный мир и в небеса пустые —
на все гляжу, как будто виноват...

«Вот и уходит год...»

Вот и уходит год.
Канет во тьму. Утонет.
Кто-то вдогонку застонет
иль облегченно вздохнет.
Выпито время до дна.
Что там, на донце, осталось?
Горькая ли усталость?
Легкая тишина?
Вот и дошли до сумы,
да ничего не попишешь.
Чем-то неведомым дышишь.
Воздухом, взятым взаймы.

30.12.94

«Вот и выходит жизнь из повиновенья...»

Вот и выходит жизнь из повиновенья,
мчится куда-то, не зная, зачем и куда,
и понимаешь в следующее мгновенье:
нужно беспечно сказать всему сущему «Да!»
Мир берёт меня в плен. Но, быть может, свобода лишь
в этом:

слышать дыханье Вселенной у самой щеки.
Нет, не к победам стремиться, совсем не к победам
и не сражаться с судьбою, всему вопреки.
Сдаться на милость. Поверить неведомой воле,
логике мира отдаться (она ль – не мудра?)
Знать наперёд – даже в безмерности боли,
даже и в боли, но знать: худа нет без добра.
Что обстоятельства, возраст, голод и сытость?
Есть только облако это, влекущее взгляд.
Есть только жизнь – и твоя этой жизни открытость.
О, как свободно душа куда-то летит наугад...

1997 г.

Памяти Иосифа Бродского

*«Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье,
долг свой давний вычитанию заплатит...»*

И. Бродский

Но когда тебе уже привычно
на краю стоять и ледяную
воду пробовать ногой, какую
смерть избрать – и вовсе безразлично.
Хоть старались храбро до сих пор мы
пробывать, присутствовать, являться,
но в итоге – разрушение формы,
ничему уже не срифмоваться.
Ибо смерть есть способ вычитанья.
Что имелось? Две руки. Два глаза.
А в остатке – пустота, зиянье,
никому не слышимая фраза.
Если б в ней последний смысл могли бы
угадать – и усидеть на стуле!
Но ушедшие – молчат, как рыбы,
и – в такую глубину нырнули!
Лишь сорвётся пузырёк воздушный
из пространства доязыкового,
переполнен тишиною душевной,

что невыносима для живого.
Ах, поэты, где же губы ваши
шевелиющиеся? Мир сей бросив,
оставляете дыру в пейзаже,
как однажды обронил Иосиф.
Ах, какое это было счастье —
говорить! Воздушными шарами
те слова ещё летят над нами.
Частью речи стать. Всего лишь частью
речи. Обойдёмся без вопроса,
всё ли исчезает без остатка.
Да не упадёт летящий косо
на картине дождь. Пасует проза.
У искусства лёгкая повадка.
...Словно дым отстал от паровоза.
Он горчит. Но отчего-то – сладко.

4–6.11.96

Из книги «Бытие» – Одесса, «Инга», 2002 г

«Жизнь ушла, и всё же возвратилась...»

Жизнь ушла, и всё же возвратилась,
пожурив меня и пожалев,
чтоб душа от спячки спохватилась,
в сотый раз от счастья ошалев.
Всё мне любо: даже чад бензинный,
пёс облезлый и бродячий кот.
Я хочу идти дорогой длинной,
и не на закат, а на восход.
Надо мною сень раскинет осень.
Стану стар, как дерево в саду.
А когда листву свою износим, —
постоим у неба на виду.
Трудно ль жить с душою неприкрытой?
...Дождь идёт. Во мгле. Во сне. Во мне.
Время длится баховской партитой,
оставляя скорбь на самом дне.

16.09.2000.

Бессонница

Тянется жизни дневной тягомотина.
В тысячный раз прохожу то, что пройдено.
Злюсь запоздало. Рвусь оголтело.
В сон бы – из пекла земного удела!
Мне надоела уступка, оглядка.
Вымолвить правду – и больно, и сладко.
Слышу – вполуха, вижу – вполглаза,
а на устах – полу-мысль, полу-фраза.
Тянутся мысли в ночном беспорядке.
Ум мой положен на обе лопатки!
Небо бледнеет. Сердце мудреет.
Сон запоздалый в лицо моё веет.

16.12.2000

«Выключи свет на кухне...»

Выключи свет на кухне,
выдохни дым забот
и, полусонный, рухни
в мир материнский, в тот,
где, как дитя в утробе,
лёжа на облаках,
в дырочки дышишь, в обе,
и отрясаешь прах.
Сон бесконечный нежит.
Веки так смежены,
что поневоле брезжит
истина тишины.
С сомкнутыми устами
я обойдусь без слов.
Господи, не остави! —
я ко всему готов.
Словно нашёл потерю.
Словно избыл вину.
Я в чудеса поверю
и в небеса нырну.
В муке рождений-агоний
в крике открою рот.
...Вот он, горит – огонь мой —
с горьким дымом забот.

15.02.01

Снегопад

Я засыпаю. Засыпаю
всю землю снегом. Я богат,
как небеса. Глаза смыкаю —
сквозь веки вижу снегопад.
Медлительно и осторожно
летит душа, оснежена.
Как хорошо, как бестревожно,
какая в мире тишина!
О, быть бы мне комочком снежным,
как будто вновь на свет рождён,
таким легчайшим и безгрешным,
вне нашей тяжести времён.
Я утопаю в снегопаде
и сам я этот снегопад.
Стихи, что заперты в тетради,
уже снежинками летят.
На чей-то лоб разгорячённый.
В сознание, в мысли маяту.
Снежинкой белой в думе чёрной
побыть, растаяв на лету.
Не властен я над нашим веком
и надо мной не властен век,
поскольку стал я снегом, снегом,
уже почти не человек.
Я засыпаю, засыпаю

деревья эти и дома.

Тишайшей поступью ступаю

там, где больница и тюрьма.

Хотя б на миг – всё сделать белым,

соединить – чтоб всё сошлось,

со мною вместе стало целым,

сказалось и отозвалось.

12.03.01

«Когда покроет всё вокруг, что голо...»

Когда покроет всё вокруг, что голо,
мука такого тонкого помола
и я проснусь ни свет и ни заря,
подумаю, что мельница природы,
наверно, перемалывает годы
и, видно, это делает не зря.
Уходит жизнь – но, всё же, суть не в этом.
Ах, снегом стань, и музыкой, и светом
зерно мне дорогого бытия!
Пусть мельницей огромной будет небо.
Даруй же хлеба мне! Такого хлеба,
чтобы душа насытилась моя.
И беды, может, лишь затем нависли,
чтобы в бездонной тьме мололись мысли,
чтоб в каждом миге открывалась даль...
О, Господи, как мелется всё тонко!
Ведь это жизнь моя! Вот плач ребёнка.
Вот юный смех. И взрослая печаль.

13.05.01

«Душа, порой ночной пора признаться...»

Душа, порой ночной пора признаться:
ты – огонёк, сквозняк – со всех сторон,
и пламени, увы, нельзя не колебаться,
то разгораясь, то впадая в сон.
Не угасая в подступившем мраке,
едва-едва светя, едва-едва жива, —
ты всё же говоришь в погибельной отваге
какие-то последние слова.
Спрошу: где поражение? Где победа?
На всё найду ответы поутру.
Но я горю – не хватает света.
Но я – свеча на мировом ветру.
Что б ни было – всему скажу «осанна».
Огонь рождается – он стар и вечно нов.
И чудо бытия – всё так же несказанно.
Я говорю – но не хватает слов.
Что наша жизнь? Ужасна и прекрасна.
Крива одновременно и пряма.
Не плачь, моя свеча, не трать себя напрасно.
Так нужен свет, когда вокруг такая тьма...

«Книгу читаешь ли, другу внимаешь...»

Книгу читаешь ли, другу внимаешь.
Но понимаешь ли? Не понимаешь.
У пониманья родная сестра —
боль, что неожиданна, боль, что остра.
Палец прижмёшь, или душу ударишь —
мир пониманием новым одаришь.
И оступившись, ногу сломав —
вдруг понимаешь, как был неправ.
Как глубоко мы уходим куда-то!
Нас наша боль заведёт далеко!
Бедной душе, что, увы, виновата,
больно. Но вдруг отчего-то — легко.

16.12.2000

«Я пишу стихи на воде...»

Гавришлу Заполянскому

Я пишу стихи на воде,
(были-сплыли, и нет нигде...)
Я пишу стихи на песке —
исчезают они в тоске.
Не доверю карандашу
и на воздухе их напишу.
Даже если никто не прочтёт —
зарифмую птичий полёт.
Я на ветер бросаю слова
и летят они, как листва.
И лепечет о чём-то волна.
И песок шуршит дотемна.

20.04.97

Стихи дожда

Слагает дождь стихи. Ведь он же – сын стихии.
Он чёткий держит ритм и с рифмой нет проблем.
Ах, слышите ли их, – вы, спящие, глухие?
Кому печаль свою я, дождь ночной, повею?
Я, дождь ночной, иду и мне судьба такая —
о чём-то бормотать, ронять в траву слова
и незаметным быть, и, тихо иссякая,
умолкнув навсегда – не ведать торжества.
О чём я говорил – окрестности не вспомнят
запомнит, может быть, весенней ночи тьма.
И всё ж стихи мои весь этот мир заполнят
и зашумят листвою. И птиц сведут с ума.

30.05.01

«Книгу жизни бесцельно листая...»

Книгу жизни бесцельно листая,
вдруг увидишь: страница пустая.

Ни строки. Ни словца.

Ни живого лица.

Было место для мира, для Бога,
а теперь – пустота, безнадёга.

Это боль и беда,
что уже навсегда.

Только тени – безлики, безглазы,
только эхо несказанной фразы.

Это горе и стыд —
пустота, что болит.

25.07.97

«Затем и ищем слово, чтоб сейчас...»

Затем и ищем слово, чтоб сейчас
сказать. Сегодня. До летейской стужи.
Но эта жизнь, что бьёт не в бровь, а в глаз
и, не пуская к морю, топит в луже!
Пророков нет. И лишь корявый слог
ещё правдив. И ждать ли криков «браво»?
И я коплю молчанье между строк,
но всё же говорить – имею право.

3.09.2000

«Беда, что новый день – не нов...»

Беда, что новый день – не нов,
что бессловесен стыд.

Тряси в кармане мелочь слов,
пускай она звенит.

Ведь если нечто не назвать,
не поименовать,
грядущее придёт, как тать,
беды – не миновать.

Стихи кропай, слезой кропи
и над строкой корпи,
и старой рифмою скрипи,
и звуком – мысль скрепи.

1.03.01

80

«И на затопанный пол...»

И на затопанный пол
тихо, безропотно пал
смятый тобою листок,
стихотворенья исток.
Творчество втоптанно в быт?
Мир не приемлет даров?
Ветер над нами кружит
мусор ненайденных слов.
Нет, говори, говори,
хоть от зари до зари!
Ты ничего не сказал?
В жизни – разруха, развал.
Ткань смысловую твори,
выверив каждый шаг.
Правду скажи, хоть умри!
Ибо без правды – никак...

22.03.01

Памяти Андрея Сергеева

Какая глупость – смерть! Придумать ли глупей?
Душа летает, словно воробей,
и Заболоцкий прав, и стебли трав
всё шепчутся о жизни, не о смерти.
Ты так приветливо встречал минуту,
что в ней как будто открывалась дверца:
войдёшь вовнутрь и встретишь бытие.
На деле всё так просто: врать не надо.
О, ты терпеть не мог фальшивых нот!
Как ты смеялся, вечный футурист,
и как учил меня ты видеть дальше,
и делать дело точно и толково,
всё закруглять – жест, мысль, поступок, слово.
Чеканить нужно, как монету, жизнь,
чтобы, сияя круглой правотой,
нам говорил металл о благородстве,
о связи с прошлым, о былых веках.
Как жалок всякий фальшивомонетчик!
Так вот твоя коллекция, Андрей!
Всё подлинно. Всё, знавшее свой час,
пересекло черту, избегло смерти.
Вот род бессмертия! Как жизнь круга,
и как легла на краешек стола!

7.03.01

«Рифмуется осень со мной, наконец...»

Рифмуется осень со мной, наконец.
Прохладное солнце сияет.
Я с деревом схож, что одето в багрец,
и листья неспешно роняет.
И пристально вглядываюсь в небеса,
пью жизни последнее диво...
О, Господи, дай мне ещё полчаса
дышать упоённо-счастливо.
Побыть в этом воздухе нежно-пустом
последней букашкой мне бы,
быть птицей в полёте, багряным листом,
окном, отражающим небо.
Как дереву, дай мне дышать не спеша,
глаголы природы спрягая,
чтоб рифмы роняла на землю душа,
как ветка, почти что нагая...

8.09.2000

«Зыбь ты великая, зыбь ты морская...»

*Зыбь ты великая, зыбь ты морская,
чей это праздник так празднуешь ты?»*

Фёдор Тютчев

Зная ответы на наши вопросы,
море, до нашей унизишься ль прозы,
речью своей ты умеришь ли блеск?
Плеск и молчанье. Молчанье и плеск.
Как солона ты, морская вода!
Может, тебя подсолила беда?
Небо наплакало целую чашу?
О, как прекрасно! О, как горчайше!
Волны несутся, их шаг одинаков.
Радуйся, отгоревав и отплавав.
Всё позабуду. За что мне сие
даром дающееся бытие?
Чем я отвечу морю и миру?
Чем я отвечу миру и морю?
Нет, я не спорю с далью и ширью.
С замыслом господа Бога – не спорю.
С тайной ночью! С ширью дневною!
И повторяю на все лады:

как я согласен с каждой волною!
С радостной вестью горькой воды...

Июнь 2001 г.

**Из книги «Земная тяжесть»,
Одесса, студия «Негоциант», 2007**

**1. Ещё шажок, что
приближает к краю...**

«Ещё шажок, что приближает к краю...»

Ещё шажок, что приближает к краю...
Но злобу дня в себе одолеваю.
Не знаю, весь умру, или не весь —
бессмертным нужно быть сейчас и здесь,
частицу вечности в руке держа,
как будто соль на кончике ножа...

1.04.02

«Как страшно, Господи, как трудно!..»

Как страшно, Господи, как трудно!
Всё – словно страшный сон иль бред.

Всё – алогично, безрассудно,
безумной тьмою застит свет.
Полёт во тьму – и миг паденья,
и рушится всё то, чем жил,
и, не надеясь на спасенье,
в последнем напряженье сил,
не в рифму ли бормочешь что-то,
чтобы заговорить беду...
Так вот – последняя свобода.
А что бормочешь? Ерунду...

1.09.04

«Какой великой нежностью полна...»

Какой великой нежностью полна
душа того, кто к смерти – прочих ближе.
Он как ныряльщик, что, достигнув дна
и вынырнув, – захлёб, всей грудью дышит.
Он знает, как там холодна вода,
какая тьма. Что делать зренью, слуху?
О, радость жить, давая волю духу,
и всё любить – без страха и стыда.
Нет ничего ничтожного, такого,
что при внезапной мысли о конце
не изменилось чудом бы в лице,
не стало б частью мира дорогого.
Так любит он – как в юности не мог,

(душа была глухая и немая...)

Так любит он – когда исчерпан срок,
всё нежно обнимая, понимая.

23.12.03

«Ах, да, сегодня понедельник...»

Ах, да, сегодня понедельник,
тяжёлый день... О, жизнь моя!
Мели, мели, безумный мельник,
зерно немого бытия.
Покуда жернова грохочут,
пока шумят, пока орут —
душа тишайшей ноты хочет,
на свой настраиваясь труд.
Она страдала и любила,
она жива, она права.
Чтоб бытие – заговорило.
Нашло тишайшие слова.

16.05.05

«Весёлое выдалось лето!...»

Весёлое выдалось лето!

Ни ночи, ни дня, ни просвета.
Хоть белый вывешивай флаг,
завидев клубящийся мрак.
Душа в отупенье дичает.
Жара, разъярившись, крепчает.
Всё раскалено добела.
Где жизнь, что недавно была?
Как будто идёшь по пустыне.
О, Господи, тяжело мне ныне.
И книзу беда меня гнёт.
И слишком высок небосвод.

15.06.04

«Когда и жизнь – сойдёт с ума...»

Когда и жизнь – сойдёт с ума,
когда возьмёт за горло старость,
когда холодная зима —
всё, что тебе ещё осталось,
ты одинок и боль остра, —
тогда пришла твоя пора.
Пора быть тем, кто есть – нагим
и беззащитным, быть собою,
самим собою – не другим,
и, не вступая в спор с судьбою,
влачить беду и верить в чудо,
надежду смутную тая,

что из вселенского сосуда
прольётся капля бытия.

2.10.04

«Лежу я на земле, почти убит, без сил...»

Лежу я на земле, почти убит, без сил,
и в небеса гляжу – в тот голубой провал
меж хмурых туч. О, я б туда упал,
когда б свою беду перехитрил!
Лежу – бедой придавлен, как плитой.
Пусть тяжело, но суть совсем не в этом.
Смеюсь над глуповатую тщетою,
и всё же упиваюсь тихим светом...
Беде спасибо! – если б не она,
как все б рыл землю до седьмого пота.
Но вот как будто рухнула стена —
и даль! И высь! И тяжкая свобода.

4.10.04

«Не говорю из суеверья...»

Не говорю из суеверья
последних слов, и не клянусь,

всем существом своим измерив
горчайшей бездны глубину,
беду, в которой захлебнулся...
Последний трачу кислород
и в три погибели согнулся,
ну а душа – ещё живёт.
Ещё – живёт. И мир вмещает,
и до конца в себе хранит.
Клочок пространства освещает.
Не проклиняет. Не бранит.

18.10.04

«Почувствовал ли я землетрясение...»

Почувствовал ли я землетрясение,
иль сердца собственного сильные толчки, —
но вдруг проснулся полночью осенней,
с внезапным чувством страха и тоски.
Как строить дом, коль прежней нет опоры?
Жизнь – на любви стоит, но вдруг – толчок,
разверзлись трещины, пошли раздоры, ссоры,
сам сатана поймал нас на крючок...
И то, что подлинным казалось – ложно.
И чувства – безответны, ночь – глуха.
И ты, любовь, увы – так ненадёжна.
И время всё крушит, крошит: труха!
Испытывают нас на растяжение

и на излом. Не каменные мы!
Всё мнёт и гнет волна землетрясения,
и в пропасти разверстой – ключья тьмы...

28.10.04

«Вот я и дожил до этих годин...»

Вот я и дожил до этих годин.
Я остаюсь совершенно один.
Нету ни сына уже, ни жены.
Горечь кладбищенской тишины.
Воздух колючий застрянет в груди.
Дверь приоткрыта – туда не гляди,
в даль, что покуда ещё не твоя,
в тайну последнюю бытия.

30.04.06

«Нет, Господи – живу не так уж плохо...»

Нет, Господи – живу не так уж плохо,
коль есть хотя бы пять секунд для вдоха,
а выдохну уж как-нибудь и сам
(как – не замечу в судороге спешки).
Я понимаю – это всё орешки.

Молчу. И палец приложил к устам.
Не жаловаться и не обижаться,
от своего – бесстрашно отрешаться...
Не я страдаю – мир! Во мне. Со мной.
Его частица я – больная клетка,
листок на древе мировом иль ветка
(её шатает ветер ледяной!)
Смирись. Стань деревом или травой —
постигнешь, как страдает всё живое!
И сам свой груз тащи как муравей.
Вдохни – и выдохни в пространство мировое,
и тихо в нём тоску свою развей.

3.11.04

«Я шёл по кладбищу, и всё мне было мило...»

Я шёл по кладбищу, и всё мне было мило,
и солнце было мне в глаза.
Я шёл туда, где матери могила,
и вслушивался в мёртвых голоса.
Как бы неясный шелест или шорох,
гул непрерывный: нет, не разобрать,
и не понять уже тех слов, которых
при жизни не успели нам сказать.
Они нас утешают. Ободряют.

Нам говорят: живите, чтоб успеть
всё полюбить, всё толком рассмотреть,
покуда с вами, как с детьми, играет
Господь... И пусть вас мёртвые простят —
они щедрей живых, они – смиренней.
Зажмурюсь, пряча виноватый взгляд,
и вдруг её – на несколько мгновений —
увиджу... Господи – обнять! Обняться!
И вижу: губы тихо шевелятся.
Всего два слова разобрать я смог.
Она сказала мне: терпи, сынок...

8.11.04

«Вновь расплавленной пахнет смолою...»

Вновь расплавленной пахнет смолою.
В ожиданье асфальтный каток.
Как-то справимся с долею злою.
Сквозь асфальт прорастём, как росток.
И в какой-нибудь крохотной щели,
даже в богом забытой дыре,
жизнь, что теплится – хоть еле-еле —
не участвуя в общей игре.
Жизнь, идущая не по законам
асфальтируемых дорог,

открываясь в обличье исконном,
как любовь – между слов, между строк.
Хоть она не прямая – кривая
(быть не силах безгрешной, святой),
но зато – безупречно живая
и свою полна правотой...

12.07.05

Памяти сына

1.

Нетрудно умереть. Любой пустяк
причиной может стать. Живое – хрупко.
Ах, помнить бы, что в мире мы – в гостях,
не совершать оплошного поступка.
Вот песенка в автобусе, шашлык,
чей запах – дразнит, взгляд лукавый, томный,
земных вещей неповторимый лик...
Всё просит: погляди, узнай, запомни!
Вся мира неизмеренная прелесть,
всё, что не в силах удержать рука,
– покуда август, май, сентябрь, апрель есть,
чему внимаешь, длится жизнь пока.
Покуда в силах ты смахнуть слезу

и шире распахнуть трепещущие веки,
чтоб этот миг – как будто на весу
держат, не упускать, запоминать навеки...

15.08.05

2.

«О, август мой, как мог ты весть такую...»

Анна Ахматова

Август, как твои вести – жестоки,
что за тяжесть в сгустившихся днях!
Бремя жизни, копившей итоги.
Бремя спелых плодов на ветвях.
Как уйти от безумной судьбы,
что случайно, но неотвратимо
косит головы, ладит гробы,
с жутким шумом проносится мимо?
Август, разве твоя тишина,
полусонные думы дневные —
лишь для выпивших чашу до дна
и избывших все сроки земные?
Август мой, облака тяжелы,
и дожди – не дают облегченья.
Но прямятся деревьев стволы,
и лишь это – имеет значенье.

15.08.05

3.

Хмырь бредёт вразвалку. Пахнет дымом.
Жизнь, что без тебя – идёт, как шла,
жжёт своим огнём непобедимым,
и не помнит ни добра, ни зла.
В августовском небе – столько света.
Что с того, что застит свет беда,
что фрагменты сбывшегося бреда
нашей явью стали навсегда?
Некуда уйти от этой яви,
что страшней, чем в самом страшном сне.
Ты не должен был. Ты был не вправе...
Но не слышишь ты всех этих «не».
Словно бы актёр – остатки грима
смыл, и прочь со сцены, был таков!
Тихо так! Плетётся время – мимо
нас, деревьев, зданий, облаков.
Впрочем, мы ему ещё подвластны.
Мы на сцене. Мы освещены.
Мы кричим, мы с чем-то не согласны,
в паузах между словами – ясно
слыша вопль внезапной тишины.

20.08.05

«Играет Бог на дудочке...»

Играет Бог на дудочке.
Зовёт тебя: пора!
Мотай, дружок, удочки.
Закончена игра.
Успел поерепениться.
Вся жизнь была – загул.
Теперь всё переменится.
Садись, дружок, на стул.
Поговори-ка с Господом, —
любил тебя, босяк.
О том, конечно же, о том, —
о чём не мог никак...
– Ещё пожить бы чуточку!
Хотя бы месяц, год!
...Играет Бог на дудочке
и ангелов зовёт.

20.08.05

«Кем ты станешь – горсткой праха...»

Кем ты станешь – горсткой праха,
иль душой, уже нездешней,

что витает, словно птаха?
Бывший грешник – всех безгрешней!
Словно взмыл из жизни чёрной —
остроклювой птицей белой.
Говорить теперь – о чём нам?
Не хватило жизни целой
для такого разговора
о высоком, главном, вечном.
Городили столько вздора
в неразумии беспечном!
Сколько вздора городили!
А теперь – молчит округа.
Но в молчанье этом – ты ли?
Как понять – когда ни звука?
Как понять, когда ни слова?
Но о том, чего не знаем,
намекни – душа готова:
зря ль живём и умираем?

26.08.05

«Тоска, как червь, сосущий в ране...»

Тоска, как червь, сосущий в ране,
хмелеющий от боли червь.
Никто не может знать заранее,
чей час придёт горчайший, чей.
Когда небесная завеса

разодрана и хлещет тьма,
то больше не имеют веса
все доводы. Сходи с ума.
Теряй себя в безмерной шири
и с головой ныряй во мрак —
ты самый одинокий в мире
(как, впрочем, всяк скорбящий, всяк!)
Не так ужасно – быть без крова,
отчаиваться, голодать...
Но как без смысла быть, без Слова?
Не высказаться. Не сказать.
Лишь междометья есть у боли.
Вздыхай. Кляни судьбу. Мычи.
Нет слов. Забыты все пароли.
Язык молчания учи.

27.08.05

Три стихотворения

1.

Знала бы, что косишь ты, коса!
Не померкнет небо голубое?
На деревья, птиц и небеса
я один гляжу – а не с тобою.

За себя гляжу – и за тебя.
И молю, чтоб солнце не остыло.
Об одном лишь и прошу, любя,
чтобы всё, что есть – подольше было,
чтоб не уходило так, как ты
(так внезапно, без предупрежденья),
оставляя зону пустоты,
горечь соли, боли наважденье.

2.

...Жаль, что уходящие – не знают,
чем поступок обернётся их,
что они безбожно отнимают
у ещё оставшихся в живых.
Мы и без того – полуживые.
Мы и без того – как бы во сне.
Не увидеть мир как бы впервые,
ибо тяжесть мёртвая – на мне,
ноша, груз свинцовый (клонит долу!
Не поднять тяжёлой головы).
Не глядеть с улыбкою весёлой
на такой зелёный цвет травы,
на такую синь в небесной дали...
Жить в оцепенении немом?
...Быть живыми – вопреки печали.

Побеждая смерть в себе самом.

11.09.05

3.

Вот тюрьма, что навсегда,
не увидеть воли.
Ты зачем залез туда,
спрятался ты, что ли?
Эта камера тесна.
Эта камера темна.
Здесь что осень, что весна —
только тьма и тишина.
Здесь что лето, что зима —
только тишина и тьма.
И не стоит и просить,
эти двери отворить.
Холмик с жухлою травой.
Серый камень гробовой.

1.12.05

«Жизнь идёт, бежит, летит... О смерти...»

Жизнь идёт, бежит, летит... О смерти
и не помним в этой круговерти.
Не глядеть. Не думать бы. Не знать.
Ах, уснуть – и смерть свою проспять,
суетиться, завтракать, обедать
и о смерти завтрашней не ведать.
А она – как тать из-за угла,
медсестрою, в чьей руке игла,
чтоб лилось беспамятство по жилам,
в облике совсем нестрашном, миллом,
явится и тихо скажет: баста.
Вспоминал меня не слишком часто?
Думал, может, что меня и нет?
Не пугайся, милый. Гаснет свет.

17.09.05

«И молча ты кричишь, кричишь ты молча...»

И молча ты кричишь, кричишь ты молча.
Нет больше слов и угасает звук,

и лишь одно отчаяние волчье,
лишь одиночества проклятый круг.
И всё-таки – не сделаешь и шагу
сам по себе: всё – горе за спиной.
Оно – конвойный, что ведёт к бараку,
оно толкает и корит виной,
скрипит зубами, шумно дышит, плачет,
заснуть не даст, украдо твой покой,
а всё же от тебя верёвку прячет
(зато платок быть должен под рукой)...
Да, горе – твой наперсник, соглядатай,
его забота – чтобы горевал,
чтоб яму рыл в своей душе лопатой,
мозоли на ладонях набивал.
Чтоб всё длиннее становились ночи
в бессонных думах, чёрных, как грачи.
Чтобы кричал ты – молча, молча, молча!
Никто не слышит ничего. Кричи.

31.08.05

«Тяготит меня ласковый свет...»

Тяготит меня ласковый свет,
мимолётный, непрочный, скудельный.
Я бы выбрал любую из бед,
вместо этой, уже запредельной...
В этот мир я влюблялся земной,

только нет ему больше доверья.
И как будто в согласье со мной,
головами качают деревья.
Всё на месте – листва и трава,
но уже чуть заметно ржавеет,
хоть на жизнь и имеет права,
но как будто уже не имеет...
Вот в чём соль. Вот что тайно горчит,
вот что тяжестью на душу ляжет.
Но природа о смерти молчит.
То, что знает – то нам не расскажет.

16.09.05

«Осень настала. Жаль мёртвой пчелы...»

Осень настала. Жаль мёртвой пчелы.
Лёгкий хитин на земле этой пыльной.
Смерть урожай собирает обильный.
Осень для пира готовит столы.
Яблоки. Мёд. А за всем этим – тот,
имя которого страшное – Яма.
Всякий, кто хмель упоительный пьёт,
волен не помнить, какая тут драма.
Если бы помнил – сразу же сник,
горечь почувствовав каждого мига.

Чем же оплачен всякий наш миг?
...Так перелистывается книга.
Осень неспешно листает страницы,
и улетает листок за листком,
силою, нам непонятной, влеком.
Не дочитал? Не успел насладиться
словом, которым дерево нас
целое лето как бы утешало?
Так не своди же с осени глаз,
мёртвой пчелы вдруг почувствовав жало.

«Первое слово «да», а последнее – «нет»...»

Первое слово «да», а последнее – «нет».
Первое – матери мы говорим. А последнее – нам
смерть говорит, погружая в беспмятный бред,
чтобы мы расставались с миром без лишних драм.
Чтобы пространство и время отбросить как хлам
последний,
чтобы в эту землю лечь, отрицая купол небес.
А заодно позабыть и день этот летний,
(вкупе с зимним, конечно)... Обойтись нам придётся без
всего этого. Быть может, глухим притвориться,
чтобы не слышать этого «нет». Притвориться слепым, —
чтобы не видеть, что всё, словно книги страница,

брошенной в пламя, превращается в пепел и дым?
Не поможет это притворство. Необратимо.
Хочешь – не хочешь, но если рождён – умирай
и гляди, как жизнь твоя клочьями серого дыма
улетает куда-то, за самый последний край
зримого нами. Не спрашивай, что там дальше.
Дескать, туннель, а в конце – сияющий свет.
Остаётся – жить, насколько возможно, без фальши,
«да» говоря – несмотря на последнее «нет».

31.08.05

«Вот на кладбище – два старика...»

Вот на кладбище – два старика.
Как беда у них – велика!
А над кладбищем в небе осеннем,
в серой вате глухих облаков —
радуга – непонятным виденьем,
утешеньем для стариков.
Тихим словом о жизни и смерти.
Всех нас – соединяет дуга.
Лишь поймите, лишь в это поверьте —
и на миг ослабеет тоска.
Все по радуге этой взойдём,
по крутому цветному склону,
серебристым упьёмся дождём
и насытимся синим, зелёным,

фиолетовым и голубым,
снова радуясь, словно бы дети.
Это – жизни сияющий дым,
нашего бытия многоцветье?
О, гляди – сквозь дожди и печаль,
и поверь обещанию света!
Эта радуга – словно скрижаль,
неизвестно какого завета...

16.10.05

Памяти жены

Смерть проводит черту,
на эту деля и ту
области. Нам туда нет
ходу, а вам – сюда.
Смертью своею занят,
мёртвый – мёртв без стыда.
Суетны, лживы – но живы,
стоим посреди весны.
Мёртвые, как хороши вы,
как лица ваши ясны!
Знаете что-то такое,
чего нам знать не пора.
Как вы полны покоя!
Смерть вам – мать и сестра.
Стало молчание – силой.

Молча растёт трава.
Перед разверстой могилой
бессмысленны все слова.

30.04.06

«Как, старость, ты приходишь грозно!...»

Как, старость, ты приходишь грозно!
Ещё люблю, ещё живу,
но говоришь негромко: «поздно»,
кося надежды, как траву.
И это слово бьёт нас током.
Ты рыбой брошен на песок.
Ты ограничен кратким сроком,
ты горестно подпёр висок
ладонью. Как ты трезв, бедняга!
Ты впрямь похож на старика!
Ну что ж, скажи: и это – благо!
Мысль истинна, когда горька.
Тебя пьянило жизни диво?
Кружил, как над цветком пчела?
Вот жизнь твоя. Вполне правдива.
Вполне весома. Тяжела?
Уже расстреляны все цели.
Чего-то ждать (чего – бог весть)?
Что есть – то есть на самом деле.
Благослови же то, что есть.

30.03.05

2. Бабочка

«О, бабочка ночная, ты ослепла...»

О, бабочка ночная, ты ослепла,
влетев, о стенку бьёшься головой.
А комната – костёр. Любой из нас – из пепла,
из плоти и огня – пока живой.
Когда умрём – оставим только пепел.
Ну что же – с нами, бабочка, гори,
чтоб в творчестве, в любви – был мир сей светел,
во тьме кромешной – миру свет дари...
И пусть безбожно нас сжигают страсти,
пусть мечемся, как бабочка, влетев, —
останется лишь то, что дарит счастье:
гармония, мелодия, напев,
догадка, озаренье, лихорадка
любви и вдохновение творца,
всё, что так сладко и, увы, так кратко,
и всё же длится, длится без конца...

12.06.05

«Что же делать – мутнеет хрусталик...»

Что же делать – мутнеет хрусталик,
всё нечётко, как будто в дыму.
Вот уже и не вижу я дали,
но зато, может, что-то пойму.
Этот пасмурный день мне поможет,
он собрался в себе – вот и хмур,
тоже, может быть, что-то итожит,
но печалится не чересчур.
Он прохладен – а всё-таки ласков,
держит мир на ладони своей,
позволяя явиться всем краскам,
жить, упорствуя, как муравей.
И – не видя – рисуешь картину,
где едины листва и трава,
где душа с облаками едина,
может быть, только этим жива...

11.05.05

«Прекрасен день. А ты – хорош?..»

Прекрасен день. А ты – хорош?
Ты этим небесам – под стать?
Гляди же в них, умерив дрожь,
дерзай, желая большим стать.
Дарован мир – и им владей.
О, бытия хмельной глоток!
Ты – не актёр, не лицедей.
Ты – Птица. Дерево. Росток.
Стереть заботу, словно грим,
внимая бездне голубой,
и стать, как мир, собой самим,
и стать, как день, самим собой...

1.04.05

«Немного нужно для...»

Немного нужно для
души, что чуть жива.
Вот рыжая земля,
зелёная трава.
И неба глубина
видна меж облаков.
И жизнь опять ясна.
И мир всегда таков:
он в напряженье жил,
ещё не всё свершил,
он из последних сил
и каждой клеткой жив.
Лезь в кузов – если груздь
(не тесно, не темно!)
И пусть отпустит грусть,
ты с миром – заодно...

Римме

Весна, я с тобою опять неразделен,
со мною брат-солнце, сестрица-травя.

Любуюсь: какая зелёная зелень!

Какая насыщенная синева!

Я солнцу щеку подставляю послушно,
как новорождённый листок трепещу.

Неужто для счастья ещё что-то нужно?

Дышу, упиваюсь, живу, не ропщу.

Для радости разве нужны нам предлоги
иные, чем утро, веселей весны?

И всюду забытые видятся боги,
что громко хохочут, грешны и хмельны.

Минута блаженства даётся так редко.

Природные ли мы ещё существа?

...Иду, и мне машет ликующе ветка,
как будто и вправду рука божества.

16.04.04

«Жизнь – это время, которого нет...»

Жизнь – это время, которого нет,
в щели пробившийся свет.
Вот и летаешь в этом луче.
Бабочкой сядешь – на чьём-то плече.
Ах, как минута твоя коротка! —
не долететь от цветка до цветка.
Видишь – рассвет догоняет закат
(или – наоборот?)
Вот и живи, не считая утрат,
свой городи огород.
О, к очевидному только стремись,
к миру, что внятен уму.
Взглядом азартно ощупывай близь.
В даль не гляди, во тьму.

30.05.04

Бабочка

1.

Мир льётся в сознание моё, как река,
как будто бы рухнула разом преграда.
И бабочка – та, что из райского сада —
влетает и машет крылами, легка.
И словно бы в руки плывут облака,
и дерево можно обнять, словно брата.
Я с миром един – и чего ещё надо?
Жизнь эта безмерная – так дорога!
Пусть всё, как и прежде, проносится мимо,
но мною увидено, мною любимо.
Заметить, увидеть, почувствовать, внять!
Как будто бы выхватив из круговерти,
к груди прижимая, спасая от смерти
всё сущее, всё, что есть в мире, – обнять!

27.08.03

2.

Ах, что ни говори – но в вечности мой дух,
не запереть его во времени, как в клетку.
Всё понимает – даже этот пух
от тополей и сломанную ветку.
И это – мне дано. Тебе – дано.
Пока кружится всё на карусели,
успей понять, что истинно одно:
быть в бытии – взаправду, в самом деле...
Ты – в этой точке, где движенья нет.
Всё движется, а ты остановился.
И – улыбнулся. Словно пробудился.
Всё заливает неподвижный свет.
Всё – есть. И всё – любви твоей достойно.
Всё словно делает навстречу шаг.
Как на душе, о Господи, спокойно!
Люби – и только. И да будет так.

13.06.03

3.

Времени нет, и пространства нет.
Есть только свет, бесконечный свет.
Свет, что свернулся в какой-то клубок —
вот и разматывается без конца.
Вечность, как облако, ляжет у ног,
вечность касается нежно лица.

Или такая же нить световая,
что прошивает собою тела,
что изогнулась, весь мир обвивая.
Нить световая... А где же – игла?
Где же всеильная мысль, что остра?
Или весь мир – это только игра?
Но, не дождавшись ответа, я таю,
тесные тела границы теряю.
Я умираю или воскресаю,
я воскресаю или умираю?
Я растворяюсь кристалликом соли
в вечности светлой, не знающей боли.
Видно, я нужен ей, я её часть,
с нею сиять мне – и в ней не пропасть...

4.10.04.

«Несколько пчёл на термометре жмутся друг к другу...»

Несколько пчёл на термометре жмутся друг к другу,
будто бы может их эта стекляшка согреть.
Вот и ещё одна осень. Природа идёт по кругу.
Некуда ей спешить. Не о чём ей жалеть.
Жизнь, что была – отжила своё, отцвела.
Можно утешиться тем, что, дескать, всё возвратится.
Новый цветок расцветёт, и другая пчела
тихою сладостью нового дня насладится.
Сбросить и мне бы хитиновый твёрдый покров,
чтоб в этот мир возвратиться пчелой молодой...
Только, должно быть, ещё не совсем я готов,
радостью, видно, ещё не упился, бедою...
Каждую солнечной каплей в руке – дорожи,
вязкой, густой, словно мёд, золотою, тяжелой.
На холодке на осеннем – ещё подрожи,
чтобы душа твоя мудрой была и весёлой.

8.10.05

«Складываясь, как перочинный нож...»

Складываясь, как перочинный нож,
и с усилием распрямляясь опять —
я ещё понимаю, как мир хорош,
я ещё не устал его обнимать.
Потому что понять – без объятий нельзя.
Не сложившись вместе, не став одним.
А иначе – взглядом холодным скользя,
только то, чем не обладаем, храним.
Снова яблоко Ева Адаму даёт.
И сказать не могу, что неправ Адам.
Как узнать, каков не съеденный плод,
если он и не прикоснулся к устам?
Пусть другие тащат докучливый груз,
как будто выполняя какой-то урок, —
этот мир прекрасен на цвет и вкус,
хоть, увы, ничего не сумеешь впрок
запасти. Что ж, гляди до боли, дичай
и тому, что, увы, неподвластно уму,
отдавайся весь. Не молчи, отвечай,
пересохшим ртом – отвечай всему...

«Взбираюсь на стотысячный этаж...»

Взбираюсь на стотысячный этаж.
Пешком. Лифт не работает. Ступеньки
считаю, как иной считает деньги —
подробно. Вот он, путь привычный наш.
Страдай, чтобы подняться чуть повыше.
Трудись и мысли. Пониманья боль.
Ещё ступенька – к небесам поближе...
Чем выше, тем труднее – вот в чём соль.
Присесть ли на ступеньку, отдохнуть,
забыть ли о своём предназначенье,
иль задыхаться, продолжая путь,
всё принимая – радость и мученья?
...И на площадке между этажами
уже я вижу город с высоты —
фрагмент, что заключён в оконной раме,
объёмы зданий среди пустоты.
Так грустно с высоты на всё глядят
твои глаза, омытые слезами!
Но на душе легко – в ней мир и лад,
она – между землёй и небесами...

21.10.04

«Как трудно, Господи, как трудно...»

Как трудно, Господи, как трудно...
Как чудно, Господи, как чудно...
Два голоса. А вместе – жизнь моя.
Так и живу, от мира не тая
ни горя и труда, ни радости и чуда.
Два голоса. Как ни было бы худо,
всё думаю, что мир не так уж плох...
Два голоса – как выдох и как вдох.
Как ночь и день. Как жаркий свет – и тени.
Страданье – и любовь. Двух голосов сплетенье.
Мелодия, в которой жизнь и смерть.
Ах, жить бы, не скупясь и не итожа...
И пусть порой трудна земная ноша,
но как чудна небесной выси твердь!

9.06.05

«Очень рано. Вставать ещё жалко...»

Очень рано. Вставать ещё жалко.
Длить бы тонкую ниточку сна.
Но грохочет бетономешалка,
воздвигается будней стена.
Нужно встать, не ворчать и не охать,
повседневные делать дела.
Деловитый докучливый грохот,
нескончаемо воеет пила...
И пора погружаться в заботы,
о насущном тревожиться дне.
Ах, какие хрустальные ноты
в оборвавшемся слышались сне!
Ты, душа, их тихонько напой-ка,
и забудь поскорее о том...
Эта жизнь – бесконечная стройка.
Строим дом. Только в нём – не живём.

9.04.04

«Я сплю на дырявом диване...»

Я сплю на дырявом диване,
пружина вонзается в тело.
Судьбе благодарен заранее
за всё, что дарит неумело,
что нехотя мне и не щедро
даёт (скуповата старуха!).
Достаточно тёплого ветра,
что нежно касается уха.
Достаточно ветки зелёной
и неба клочка голубого.
Душе, безответно влюблённой,
достаточно знака любого.
И если порою не спится
на этом диване дырявом —
готов ко всему, что случится,
уже не желая быть правым.
Бог с нею, моей правотою.
О, выдюжить, выжить, держаться!
И пусть я немного стою,
а всё-таки грех обижаться...

13.11.04

«Проходит день, проходит жизнь...»

Проходит день, проходит жизнь
(как жаль – всего одна!)
И в ведомости распишись:
всё получил сполна.
Вот солнца луч, вот ветра свист,
вот неба синева,
трепещущий на ветке лист,
зелёная трава,
и снег, и шум дождя, и гром,
и осень, и весна,
и Космоса просторный дом,
в котором – тишина.
Вот детский смех, вот юный бред,
вот повзрослели мы...
Любовь и боль, надежды свет
и непроглядность тьмы.

2.03.04

«Жизнь, покидая тела оболочку...»

Жизнь, покидая тела оболочку,
со мной расторгнув временный союз,
почти ежесекундно ставит точку.
Боюсь итогов. Точек я боюсь.
За каплей капля, как вода из крана,
уходит жизнь. Я капли собираю.
Стихотворенье – жизнь в тебе сохранна,
ты чаша, что полна. Когда умру —
пусть кто-то припадёт к тебе губами,
большой и жадный делая глоток.
Ты – жизнь в строфе, ты как картина в раме,
ты тайно разместились между строк,
о чём как бы не ведаёт бумага.
Я из сосуда лью тебя в сосуд.
Мгновенье бытия. Бесценнейшая влага.
Тебя лишь рифмы лёгкие спасут.

17.02.05

«Бытия заповедного край...»

Бытия заповедного край.
Здесь живи и здесь умирай.
Пусть тебе и сам чёрт не брат —
но нельзя и шагу назад.
И гляди, как дитя, в просвет,
что открылся среди облаков.
Ничего другого и нет!
Ты не знал: мир всегда таков.
Он таков – и хвала бытию,
открывающемуся тогда,
когда можешь стоять на краю
и на мир глядеть без стыда.

24.09.07

«Поёт невидимая птица...»

Валерию Хаиту

Поёт невидимая птица.
С небес нисходит тихий свет.
Листок древесный шевелится.
Вот – песня есть, а птицы – нет.
Жизнь, своего певца не выдай!
Жилец, что пущен на постой, —
он так живёт, никем не видим,
он прячется в листве густой.
И, с ветки прыгая на ветку,
капризен и нетерпелив,
он ни за что не хочет в клетку,
просторы новые открыв.
... Листочек со стихотвореньем —
в нём зелень и лазурь небес,
в нём зарифмовано мгновенье.
А где поэт? Поэт исчез.
В век умноженья и деленья
идёт мимо поэтов люд.
Иные, может, поколенья
те буквы чёрные склюют?
Но кто из стопки книгу вынул —
пусть хоть на миг богат, как Крез!
А где поэт? Неужто сгинул?

Он вжился в жизнь – и в ней исчез.
Покуда в мире песня длится,
не пропадая без следа,
поэт – невидимая птица —
летит неведомо куда...

8.06.07.

Входной билет

Феликсу Кохрихту

Живёшь, зарывшись в будни, словно крот.
У этой жизни – беспощадной норы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.